

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

По легенде,
в одной из пещер
горного Крыма
спрятано старинное
сокровище...

Ольга БАСКОВА

Крымская
Чаша Грааля

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Крымская Чаша Грааля

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Крымская Чаша Грааля / О. Баскова — «Эксмо»,
2022 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-169382-4

Молодая крымчанка Роза, чью семью расстреляли немцы во время Великой Отечественной войны, помогала партизанскому отряду. Неожиданно ей в руки попали секретные документы, в которых было зашифровано местонахождение некоего сокровища. Ходили слухи, что в одной из пещер спрятана Чаша Грааля... Спустя десятилетия к уже пожилой Розе приходит сын ее врага с требованием отдать ему карту. Он пережитого стресса женщина попадает в больницу и при смерти успевает сказать своему внуку Олегу только то, что он должен отправиться в Крым на караимское кладбище...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169382-4

© Баскова О., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ольга Баскова

Крымская Чаша Грааля

© Баскова О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

1926 год. Крым

Низенький кривоногий татарин Зариф сидел на завалинке возле своего дома и жевал пожухлую травинку. Его жена Алима вот-вот должна была родить, и это его беспокоило. Да и как не беспокоиться, когда двое детей умерли от того, что их нечем было кормить? У семьи Гафуровых не было ни денег, ни продуктов. Единственная корова давала жидкое молоко и доилась плохо: на дворе стояла чахлая крымская весна, и трава, местами выглядывавшая из мокрой серой земли, не служила достаточным пропитанием скоту. Зариф постучал кулаком по камню, выругался сквозь зубы и стал раздумывать, где можно раздобыть сена. Если попросить колхозное начальство... Хотя это бесполезно, корма скоту не хватало. Зариф посмотрел на равнодушный диск солнца, висевший над высокой горой – ему явно не было дела до жалких людишек, – и вздрогнул, услышав чьи-то голоса.

– Привет, Зариф, – тракторист Алексей, лысоватый мужичок лет сорока, протянул ему руку. – Вот, знакомься. К нам пожаловали столичные гости.

Татарин поднял голову и увидел двух невысоких мужчин. Один из них, с узким худым лицом, в очках с тонкой оправой, раздвинул в улыбке губы:

– Александр Васильевич Барченко, ученый из Петербурга. А это мой приятель, тоже ученый и тоже Александр, только Кондияин.

Приятель кивнул, морщась от морозящего дождя.

– Вот, посоветовали обратиться к вам. Приютите на несколько дней? Ну, может быть, недель. Мы вам заплатим.

Зариф не верил своим ушам.

– Вы хотите поселиться у меня? Но в доме (у него дрогнул голос – какой это дом, самая настоящая халупа) мало места.

– У всех одинаково, – пояснил Барченко и снова улыбнулся. – Мне рекомендовали вас как человека, хорошо знакомого с горной местностью. Если станете нашим проводником, заплатим вдвойне. Совершите с нами прогулки в Чуфут-Кале?

Татарин развел руками:

– Ну, если вас все устраивает...

– Тогда пойдём. Кстати, если приютите на днях и несколько наших учеников, тоже в долгу не останемся.

Хозяин ничего не ответил. Александр Васильевич подхватил легкую сумку и направился в дом. На крыльце Зариф опередил его, чтобы рассказать жене о странных гостях. Черноглазая желтолицая Алима, маленькая, хрупкая, с огромным выпирающим животом, схватилась за грудь:

– Ох, Зариф, чем же мы будем угощать гостей?

– Об этом не беспокойтесь, – Александр Васильевич вошел следом, вежливо поздоровался с женщиной и, раскрыв сумку, стал выкладывать продукты. – Мы выгодные постояльцы.

Алима бросилась на кухню.

– Значит, вы ученые? – Зариф указал на маленькую комнатку с одной-единственной кроватью у окна. – Располагайтесь. Как видите, места у нас немного.

– Да, мы ученые, – подтвердил Александр Васильевич.

– И зачем вам пещерный город?

Второй Александр, высокий, худощавый, с чуть раскосыми черными глазами, щелкнул длинными пальцами:

– Слышали легенду о Золотой колыбели?

Зариф скривился:

– А кто ее в наших краях не слышал? Мангунский князь спрятал эту реликвию в горах, чтобы она не досталась врагам. Говорят, кто отыщет ее, тому владеть миром. Неужели господа верят в подобные сказки?

Тезки переглянулись и расхохотались.

– И да, и нет, – Барченко ловко ушел от ответа. – Так что, проводите нас до пещерного города?

Зариф махнул рукой:

– Отчего ж не проводить? Только зачем зря терять время? Все равно ничего не найдете.

– Это наша забота.

Александр Васильевич потянул воздух острым носом:

– Хорошая у вас хозяйка, Зариф. Чувствую, для нас готовится что-то очень вкусное. Давай-ка, друг мой, переоденемся. Обед не за горами.

Зариф вышел из комнатки, оставив их вдвоем, но остался за дверью. В нем проснулся интерес к этим странным людям. Неужели они действительно думают, что найдут Золотую колыбель? Татарин прислушался.

– Почему ты решил, что нам следует искать в Крыму? – поинтересовался Кондиайн.

– Потому что, произведя исследования, я понял: здесь имеются свои случаи мерячения, – пояснил Барченко. – Известно, что в пещерных городах, которых в Крыму очень много, у людей наблюдались приступы необоснованного страха. Правда, меня очень интересует и другой вопрос. Скажи, что тебе удалось узнать про Успенский монастырь? Если ты не забыл, в письме я просил тебя об этом. Меня интересует культ Девы Марии. Если удастся раскопать что-то стоящее, я поверю, что Золотая колыбель и Чаша Грааля – одно и то же.

Друг кивнул:

– Кое-что накопал. Здесь действительно царил культ Марии. По преданию, она являлась первым монахам, жившим здесь. Именно поэтому разросшаяся Успенская церковь всегда привлекала богомольцев. Посол, московский историк Лызлов, в своем труде «Скифская история» говорит, что даже крымский хан, отправляясь в поход, обращался к покровительству Пресвятой Богородицы.

Александр Васильевич провел рукой по широкому лбу, прорезанному глубокой продольной морицей:

– Почему в Бахчисарае и Чуфут-Кале процветал такой культ Марии? Разве это не кажется странным?

Кондиайн поморщился:

– Дзержинский и его друзья дали нам другое задание. Если бы они знали, о чем мы с тобой говорим...

– Я, кстати, не отклоняюсь от темы, – заметил Барченко и еще что-то добавил, но Зариф не расслышал: в комнате появилась Алима:

– Плов готов. Зови гостей.

Зариф деликатно постучался к гостям:

– Просим к столу.

Он услышал, как Александр Васильевич хлопнул в ладоши:

– Ужасно хочу есть. После обеда отдохнем, а в горы – завтра.

Гости не обманули ожиданий хозяев. Они хорошо заплатили Зарифу и за постой, и за экспедиции в горы. На привалах татарин внимательно вглядывался в их раздумывавшиеся лица, будто стараясь найти ответы на мучившие его вопросы, но это ему не удавалось. Скорее всего, ученые ничего не нашли. Кроме исследований в горах, гости беседовали с жителями Бахчисарая, особенно с крымчаком Яковом Бакиши, знавшим много крымских преданий. Когда мужчины засобирались домой, татарин наконец решился спросить:

– Вы нашли Золотую колыбель?

Барченко хлопнул его по плечу:

– Даже не знаю, что тебе сказать. Нет, одно знаю точно: сюда еще вернутся и обязательно что-нибудь отыщут. Можешь мне верить.

Больше Зариф их никогда не видел. Он долго не мог понять, почему они не приехали. Разве Александр Васильевич не намекнул, что эти работы будут продолжены?

Глава 2

1938 год. Петербург

Александр Барченко мерил шагами камеру смертников. Странно, но думалось ему вовсе не о смерти, он вспоминал те казавшиеся теперь далекими и нереальными экспедиции в пещеры Крыма, Гималаев и Русского Севера, подземные хранилища глубочайших тайн мировой цивилизации. И, главное, он подошел к тому, что искал, очень близко. Только передавать знания государству, нафаршированному недалекими чекистами, которые правят бал, Барченко не собирался.

В зарешеченное тюремное окошко пытался прорваться солнечный луч. Склизкие стены пахли плесенью, плакали мутными каплями. Александр Васильевич присел на незаправленную постель с желтоватыми простынями. Грустные мысли хороводом кружились в голове. Интересно, когда его расстреляют? Сколько ему осталось? Неужели напоследок не разрешат встретиться с женой и сыном? Неужели...

Лязг открываемого замка заставил его вздрогнуть. В камеру вошел худощавый следователь с неизменным черным портфелем и дежурной слащавой улыбкой на тонких губах.

– Здравствуйте, Александр Васильевич!

Ах, как он ненавидел представителей этой лицемерной системы, заставившей его, ученого и писателя, работать на нее в поте лица, а потом вышвырнувшей, как использованную ветошь. Следователь протянул заключенному руку с длинными желтоватыми пальцами в синих родинках чернил, однако Барченко сделал вид, что не заметил этого жеста. Мужчина сконфузился. Он ожидал от смертника полных отчаяния глаз и рвущейся из глубины души надежды на отмену приговора. Ну, если не отмены, то хотя бы отсрочки, дававшей шанс на пересмотр дела. Но Барченко вел себя совсем по-другому, и представитель органов растерялся.

– Вы не рады меня видеть?

Ученый посмотрел куда-то в сторону:

– Скажу откровенно – нет. И потом, мне не ясна цель вашего визита. Зачем вы пришли? Я рассказал все, что знаю, суд вынес приговор, скоро меня расстреляют. Неужели даже в последние часы моей жизни вы не дадите мне покоя?

Мужчина потер руки:

– Вы слишком плохо обо мне думаете. Знаете, я отношусь к той кучке людей, которые еще не отчаялись вызволить вас отсюда.

Барченко усмехнулся:

– Ой ли? И каким же образом?

Следователь сел рядом с заключенным. Кажется, Александр пошел на контакт. Возможно, у него получится выполнить поручение одного из самых могущественных представителей организации. Должно получиться, иначе... Иначе он не уверен и в своей судьбе.

– Сейчас мы делаем все, чтобы добиться отсрочки, – попытался он заверить смертника, – мы хотим обратиться к самому Сталину.

Лицо заключенного ничего не выразило, лишь бледные губы слегка дрогнули.

– Вы верите нам? Мы хотим спасти вас.

Барченко пожал плечами:

– Это несвоевременный разговор. И все же: что нужно от меня?

Следователь открыл немного потертый портфель из черного кожзама и вытащил чистые листы бумаги и карандаш:

– Очень влиятельные люди желают, чтобы вы подробно описали каждую экспедицию. Особенно нас интересует крымская.

Александр Васильевич вздрогнул. Почему крымская? Каждая его экспедиция имела огромное значение. Что же касается работы в горах полуострова... Возможно, им что-нибудь известно о рукописях, которые остались в пещере...

Заклоченный внимательно посмотрел на следователя своими грустными серыми глазами.

– Почему же именно крымская?

– Я не обсуждаю приказы, – мужчина быстро встал и поправил гимнастерку. – Не буду вам мешать. Желаю удачи. Пишите как можно подробнее.

Он пошел к двери, а ученый, проводив его неприязненным взглядом, вертел в пальцах карандаш. Жизнь кинолентой крутилась в памяти. Да, что правда, то правда, ему многого удалось достичь. Он занимался такими науками, о которых его отец, простой нотариус окружного суда, не имел и понятия. Оккультизм, астрология, хиромантия привлекали его с юности. В те времена граница между оккультизмом и естественно-научными дисциплинами была довольно размытой, и Александр увлекся медициной, отдавая предпочтение изучению паранормальных человеческих способностей – феноменам телепатии и гипноза. Затем – медицинский факультет Казанского университета, перевод в Юрьевский университет и знакомство с профессором римского права Кривцовым. Именно этот человек рассказал ему о встречах в Париже с мистиком-оккультистом Сент-Ивом де Альвейдром.

Барченко отложил карандаш и почесал за ухом. Надо ли писать об этом? Пожалуй, нет, он уже рассказывал о знакомстве с Кривцовым и беседами с ним ранее. Тогда этот же следователь с бесстрастным лицом вел вопрос, а Александр пытался ответить как можно точнее: он еще надеялся на чудо.

– Рассказ Кривцова явился первым толчком, направившим мое мышление на путь исканий, наполнивших в дальнейшем всю мою жизнь, – медленно говорил ученый. – Предполагая возможность сохранения в той или иной форме остатков этой доисторической науки, я занимался изучением древней истории, культуры, мистических учений и постепенно ушел в мистику. Увлечение мистикой доходило до того, что в тысяча девятьсот девятом – тысяча девятьсот одиннадцатом годах, начитавшись пособий, я занимался хиромантией – гадал по рукам.

Вот здесь следователь позволил себе улыбнуться.

– И получалось?

– Представьте себе. Потом я всерьез занялся изучением паранормальных способностей человека.

Следователь без интереса выслушал рассказ о зарубежных поездках заключенного, и это не ускользнуло от Барченко. А ведь сколько мог бы поведать ему Александр хотя бы о своем увлечении естествознанием и об изучении видов «лучистой энергии», оказывавшей влияние на жизнь человека! Сколько рассказов и очерков написал он на эту тему! И о роли солнца – источника жизни на Земле и на других планетах, например, на Марсе, где, вполне вероятно, живут братья по разуму, и о существовании эфира – души природы. Да, именно ее души, ведь чудовищные взрывы и вихри тотчас отражаются на электромагнитном состоянии Земли. Стрелки магнитных приборов мечутся, как безумные, вспыхивают северные сияния... Телеграфы отказываются работать, трамваи стоят как вкопанные...

Александр надеялся, что когда-нибудь наука установит связь между такими колебаниями и крупными событиями общественной жизни. Впрочем, его интересовали и другие виды лучистой энергии: звук, теплота, электричество. Тогда он увлекся открытием француза Blondlo об «N-лучах» как особой разновидностью психофизической энергии, излучаемой человеческим мозгом. Другие ученые тоже обращали внимание, что фактически любая мозговая

деятельность человека сопровождается обильным излучением. А если это так, то почему нельзя передавать мысли на расстоянии? Увлечись этой идеей, Александр поставил собственные эксперименты, которые позволили сделать вывод: N-лучи – не исключительный двигатель мысли. Ведь существует же предание, что человечество уже переживало сотни тысяч лет назад степень культуры не ниже современной. А остатки этой культуры передаются из поколения в поколение тайными обществами. Сколько лет он посвятил работе над такими важными для человечества проблемами! Сначала его исследования прервала Первая мировая, а потом – Октябрьская революция. От последней он испытал шок. Что будет с ним? Что будет с его исследованиями? Немного поразмыслив, ученый решил: лучшее поведение – христианский пацифизм, невмешательство в политическую борьбу. А вообще, хочешь что-то переделать – начинай с себя. И Барченко начал... Он активно посещал эзотерические кружки, собиравшиеся в Петрограде. Их члены обсуждали религиозно-философские вопросы и актуальные политические темы. Разумеется, большевиков критиковали. Сначала Барченко слушал такие выступления с пониманием, но однажды вступил в полемику, и ему дали понять, что его идеи здесь никому не нужны и непонятны. Александр ушел, громко хлопнув дверью. Ушел к большевикам. Им его лекции оказались интересны, а ему такое сотрудничество давало возможность кормить семью.

«Золотой век, то есть Великая Всемирная Федерация народов, построенная на основе чистого идейного коммунизма, господствовала некогда на всей Земле, – рассказывал морякам Барченко. – И господство ее насчитывало около ста сорока четырех тысяч лет. Около девяти тысяч лет тому назад, считая по нашей эре, в Азии, в границах современного Афганистана, Тибета и Индии, была попытка восстановить эту федерацию в прежнем объеме. Это та эпоха, которая известна в легендах под именем похода Рамы... Рама – культура, овладевшая полностью как дорической, так и ионической наукой. Рамидская Федерация, объединившая всю Азию и часть Европы, существовала в полном расцвете около трех тысяч шестисот лет и окончательно распалась после революции Иршу».

Лекции пользовались популярностью, и вскоре на Александра Васильевича обратили внимание чекисты. Так состоялось его знакомство с «большими людьми» с Лубянки. А потом – интересная работа с профессором Бехтеревым и многочисленные экспедиции на Север.

Александр Васильевич не признавался, что хочет отыскать следы развитой цивилизации. Зачем? Бехтерев его вряд ли понял бы. Зато чекисты во главе с Железным Феликсом почти разгадали его замысел. Он вспомнил эту незабываемую встречу на Лубянке, все свои ощущения. Входя в здание, Александр пытался справиться с ознобом. Сколько людей входило на Лубянку, и сколько не вернулось! Однако Бокий и Блюмкин уже доложили о его приходе, и молодой паренек в форме провел его в кабинет Дзержинского.

Александр Васильевич немного замешкался на пороге, сопровождающий постучал в дверь.

– Войдите, – раздался негромкий голос.

Никогда еще Барченко не видел Железного Феликса так близко. На худом озабоченном лице главного чекиста показалась улыбка:

– Как я понимаю, вы Александр Васильевич Барченко?

– Совершенно верно, – у ученого заплетался язык.

Дзержинский знаком приказал офицеру, который привел к нему Барченко, покинуть кабинет.

– Вот теперь нас не слышит ни одна живая душа, – его глаза буравили сидевшего напротив мужчину. – И вы можете говорить откровенно.

Александр Васильевич сжал пальцы:

– Да, конечно, но что вас интересует?

Феликс Эдмундович вскинул брови:

– А вы не догадываетесь? Результаты вашей экспедиции на Кольский полуостров. Кстати. Ваш отчет при вас?

– Да, – ученый протянул ему исписанные листы.

– Я ознакомлюсь с ним, – Дзержинский бросил его в ящик стола.

– Но я обещал сегодня отнести его Владимиру Михайловичу, – пролепетал исследователь. Феликс Эдмундович наклонил голову:

– Он тоже увидит его. И вы должны знать: это никогда не будет опубликовано.

– Почему? – теперь пришел черед удивляться Барченко.

– Потому что экспедиции продолжатся, но будут носить секретный характер, – он снова улыбнулся: – Признайтесь, уважаемый, вы ведь ехали на Север не за изучением болезни под названием «мерячение»? Вас интересовало совсем другое.

«Неужели догадался?» – промелькнуло в мозгу ученого.

– Догадаться было нетрудно, – пояснил главный чекист. – Достаточно ознакомиться с вашими взглядами и почитать любимую вами литературу. Остатки древних цивилизаций волнуют вас по одной-единственной причине. Вы считаете, что древние люди владели тайной расщепления атома, иными источниками энергии, а также действенными средствами психотронного воздействия на людей. И сведения об этом, по-вашему, не исчезли, они сохранились в закодированной форме, их можно отыскать и расшифровать.

У ученого от волнения дрожали руки. Дзержинский заметил это, и на его худом лице появилась усмешка:

– Зря вы нервничаете. Вы стоите на пороге интересных открытий. Согласно гипербореико-тамплиерским преданиям, в тех местах, куда прибыла ваша экспедиция, должна быть сокрыта самая величайшая реликвия всех эпох и народов – Священный Грааль, или Камень с Ориона. Вы ведь считаете, что Грааль – не чаша и не кубок, а именно «возделеннейший камень», дарующий сокровенное знание и бессмертие. Я прав?

Ученый кивнул.

– И каковы ваши мысли на этот счет? Отыскали ли вы то, что хотели?

Александр Васильевич покачал головой:

– Возможно, камень подобного рода хранится в тех подземных ходах, куда мы никак не смогли проникнуть.

Дзержинский не мог скрыть волнения:

– Значит, он все же существует?

– Думаю, да, но для полного ответа на этот вопрос потребуется время.

– Сколько?

– Не знаю, – откровенно признался Барченко.

– А когда узнаете?

Ученый посмотрел на чекиста:

– Возможно, через несколько лет.

Феликс захрустел пальцами:

– Поймите, этот вопрос очень важен и для нас. Представляете, какое мощное оружие мы получим против наших врагов, если вы отыщете заветный камень. Наша страна будет непобедима.

Барченко молчал.

– Я предлагаю вам работать на органы госбезопасности и возглавить сверхсекретную лабораторию оккультного направления, – сказал Дзержинский. – Вы, конечно, можете подумать, но долго размышлять не советую. Результаты нужны как можно скорее.

Что мог ответить на это Александр Васильевич? Наклонив голову, он пробормотал:

– Я согласен.

Он понял, почему Феликс ухватился за его теории. Как любой властолюбец, Дзержинский бредил идеей управления людьми при помощи какого-нибудь психотропного оружия. А если это оружие к тому же не надо создавать, если где-то имеется практически готовый материал, так почему же его не заполнить, и поскорее?

Благодаря чекистам была организована экспедиция в Крым. Вроде бы все шло хорошо, но Барченко не тешил себя надеждами на лучшее. Нехорошие предчувствия в последнее время постоянно тревожили Александра Васильевича. Он никогда не переставал думать о том, что, пока нужны его исследования, он жив. Как только наука подобного рода перестанет интересовать правительство, можно считать себя мертвецом. И, как выяснилось, он не ошибся. Пока организация Барченко находилась под колпаком Железного Феликса, ее не трогали. Однако на подходе был тридцать седьмой год. Иосиф Виссарионович давно проявлял к организации большой интерес и даже запросил отчеты обо всех экспедициях. Естественно, Бокий, куратор Александра Васильевича, не посмел отказать вождю. В материалах не было ничего крамольного, но, одержимый идеей заговоров, Сталин боялся любой организации. Что они ищут? Если так долго ищут, почему не сделали мало-мальски пригодного для науки открытия? Не является ли это прикрытием группы заговорщиков, лелеющих надежду сместить его, Сталина? Бокия арестовали и в стенах выбили признание о заговоре.

Для Александра Васильевича и его «сообщников» руководство НКВД разработало легенду, дескать, на территории одного из восточных протекторатов Англии – какого именно, в деле не указывалось – существует некий религиозно-политический центр «Шамбала-Дюнхор». Этот центр имеет широко разветвленную сеть филиалов или ячеек во многих азиатских странах, а также в самом СССР. Его основная задача состоит в том, чтобы подчинить своему влиянию высшее советское руководство, заставить его проводить удобную центру политику. С этой целью Барченко и участники созданного им «филиала» восточного центра пытались получить доступ к советским руководящим работникам, активно занимались сбором секретных сведений и подготовкой терактов – против тех же самых советских руководителей! Сломленный бесконечными побоями и допросами друг Александр Кондиайн в своих показаниях руководствовался подсказками следователя и писал: «Наша нелегальная организация пропагандировала мистику, направленную против учения Маркса – Ленина – Сталина».

Вспомнив об этом, Барченко решил ничего не писать о Крымской экспедиции. Он не сомневался, что его расстреляют. Пусть все тайны умрут вместе с ним.

Глава 3

Германия. Наши дни

Барон фон Лаппе сидел в своем особняке на берегу Рейна и задумчиво смотрел вдаль. В голове роем теснились грустные мысли. Финансовое положение его семьи оставляло желать лучшего. Кирпичный завод, основанный еще его прапрадедом, разваливался на глазах. Бойкие юркие конкуренты теснили старую фирму. Управляющий заводом не мог решить ни одной проблемы, которые наваливались и наваливались, как снежный ком, и фон Лаппе уже предчувствовал разорение.

Что же будет с детищем его семьи, кирпичным заводом? Да, ни отец, ни дед не похвалили бы его за такое ведение дел. Наверняка это стоило бы им – будь они живы – сердечного приступа. Но что же делать? Как спасти семейный бизнес?

Генрих наморщил желтоватый лоб, испещренный глубокими морщинами. У него есть полмиллиона марок в банке, но это деньги на семейные расходы. Их можно потратить на спасение завода при одном условии – если быть уверенным на сто процентов, что его удастся спасти. В противном случае он пустит по миру семью и сам пойдет просить милостыню.

Фон Лаппе подумал, что особняк, где он родился и вырос, наверняка придется продать и переехать в более скромные апартаменты. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь. Деньги, вырученные от продажи, можно пустить в оборот и бросить на спасение завода. Генрих перевернулся и заворочался в кресле. Надо же, никогда ему и в голову бы не пришло, что все может так кончиться...

– Генрих, почему ты не идешь ужинать? – Его супруга Луиза, высокая худощавая блондинка, сохранившая фигуру, несмотря на возраст, подошла к окну, загородив солнце. – Марта сказала мне, что давно приглашала тебя в столовую.

Он встрепенулся:

– Да, дорогая, Марта говорила мне. Я читал книжку и задумался. Прости. Я сейчас приду. На овальном лице жены появилось заинтересованное выражение.

– Читал книжку? Что же ты такое читал, дорогой?

Она бросила взгляд на письменный стол, и мужчина покраснел, пойманный с поличным. На столе лежали только папки с документами, никакой книги не было и в помине.

– Зачем ты мне лжешь, Генрих? – Она сжала губы. – Ты не хочешь есть или... – женщина пристально посмотрела ему в глаза, – у тебя что-то случилось?

«Случилось, – захотелось крикнуть ему. – У тебя тоже случилось. И у наших детей. У всех нас», – но вслух он ответил:

– Извини, дорогая, я ляпнул первое, что пришло в голову. Не думай о плохом, умоляю тебя. Ничего не случилось. Просто... Мне иногда необходимо побыть одному, чтобы обдумать свои дела. Ты это прекрасно знаешь.

Ему не удалось ее успокоить, он чувствовал это. Фон Лаппе знал свою жену так же хорошо, как и она его. Все же тридцать лет брака... Красивые серые глаза женщины сузились, и это говорило о том, что она не верит ни единому слову.

– Ты никогда не обдумывал свои дела за ужином. Скажи же наконец, что произошло?

– Я уже... – начал было фон Лаппе, но тщательно составленную фразу прервал голос слуги Якоба:

– К вам какой-то господин. Прикажете принять?

– Что ему нужно? – Барону совсем не хотелось видеть чужого человека, а еще меньше – говорить о делах. – Скажи, я занят и сегодня не принимаю.

– Но, господин барон, этот человек иностранец и утверждает, что у него для вас важное сообщение, – вкрадчиво начал слуга. – Он знает, как вам помочь.

Желтоватый лоб фон Лаппе покрылся холодным потом. Иностранец? Знает, как помочь? Не значит ли это, что он хочет приобрести кирпичный завод? Нет, это невозможно, завод нечто вроде семейной реликвии, которая не продается. Но откуда какой-то иностранец узнал о положении его дел? О них никто и понятия не имеет, кроме самых доверенных лиц.

– Ладно, проси, – разрешил Лаппе. – Пусть проходит ко мне в кабинет.

Вопреки его ожиданиям, Луиза не стала спорить.

– Сделать вам чаю? – покорно спросила она.

– Да, будь любезна, дорогая.

Луиза послушно скрылась за дверью. Через минуту раздался стук, и Якоб доложил:

– К вам господин Стремглазов.

– Пусть войдет, – отозвался немец.

Дверь раскрылась, и Якоб впустил плотного темноволосого смуглого мужчину лет сорока. В его широком лице было что-то неприятное, и фон Лаппе поморщился. Он не любил общаться с людьми, которые отталкивали его сразу с момента знакомства, но все равно делал это, как хороший бизнесмен.

– Здравствуйтесь, – произнес незнакомец с восточным акцентом.

– Здравствуйтесь, – Генрих указал на стул. – Чем могу быть полезен?

– Меня зовут Виктор, – представился вошедший.

– Вы из России? – уточнил фон Лаппе и пояснил: – Мне приходилось общаться с русскими. Ваш акцент ни с чем не перепутаешь.

Виктор кивнул:

– Совершенно верно, я из России. Но надеюсь, вы не настолько ненавидите мою страну, чтобы отказаться сотрудничать со мной?

– Мне не за что ненавидеть Россию, – буркнул недовольный Генрих. Он не любил беседовать о политике. – Господин Виктор, если у вас ко мне какое-то дело, говорите. Видите ли, я очень занятой человек.

Виктор широко улыбнулся, но это не прибавило к нему симпатии.

– Я уважаю деловых людей, господин фон Лаппе, – начал он, – главным образом, потому, что сам к ним принадлежу. И посему не станем терять времени. Что вы знаете о своем деде, господин фон Лаппе?

Барон подался вперед, всем своим видом выражая недоумение.

– Но при чем тут мой дед? Какое отношение он имеет к вашему визиту?

– Самое прямое, – улыбка гостя стала еще шире. – Так что вы знаете о своем деде?

– Мой дед воевал против СССР во время войны, – ответил Генрих. – В тысяча девятьсот сорок пятом году в Берлине он был убит. Так какое...

– Минутку, – перебил его Виктор. – Берлинский период его жизни меня не интересует. Вы знаете, что он делал в Крыму?

– Надо полагать, воевал, – проскрежетал фон Лаппе. Незнакомец начинал его раздражать. – Но к чему эти вопросы?

– Думаю, вам известно, что ваш дед служил в «Анненербе», у Отто Олендорфа, – продолжал русский. – Эта организация была создана в тысяча девятьсот тридцать пятом году по распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. В составе СС немцы организовали «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков», которое больше стало известно под сокращенным названием «Наследие предков» («Анненербе»). Ведущее место в исследовательской деятельности этой организации занимали биологические и медицинские исследования. Ваши соотечественники проводили медицинские опыты как над заключенными концлагерей и советскими военнопленными, так и над немецкими военнотру-

жащими – добровольцами, чтобы узнать различные пределы выносливости и приспособляемости человеческого организма в различных условиях и освоить новые методы лечения. Если вы интересовались судьбой «Анненербе», то знаете, что ее деятельность была признана Нюрнбергским международным трибуналом одним из преступлений нацистского режима Германии против человечества, – он смотрел фон Лаппе прямо в глаза. – Но это нам с вами не должно быть интересно.

Барон откинулся на спинку кресла.

– Что же нам должно быть интересно? – спросил он, не понимая, куда клонит этот странный русский. Скорее бы он переходил к делу!

– Также в «Анненербе» было немало различных экзотических отделов, занимавшихся, к примеру, парапсихологией и оккультизмом, – продолжал Виктор. – Итак, я прочел вам небольшую лекцию об организации, в которой состоял ваш дед, и не возьму за это ни копейки. А теперь перейду к главному. Летом тысяча девятьсот сорок первого года отдельная группа «Анненербе» оказалась в Крыму и создала в крымских горах лабораторию. Вам об этом известно? – Он притопнул ногой, и фон Лаппе вздрогнул:

– Я ничего не знал об этом. Дед не вернулся с войны, а бабушка ни о чем таком не рассказывала.

– Понятно, – кивнул посетитель. – Тогда позвольте ознакомить вас с тем, что было дальше. Отто Олендорф возлагал на крымские исследования большие надежды и не обманулся в ожиданиях. Ваши соотечественники что-то нашли. И это что-то позволило заявить о том, что благодаря этим открытиям война скоро закончится победой Германии.

Неожиданно для себя фон Лаппе заинтересовался рассказом незнакомца. Жаль, что дед погиб в Берлине. Сколько интересного он мог бы рассказать внуку и сыну!

– Продолжайте. – Он нетерпеливо щелкнул длинными пальцами. Виктор улыбнулся.

– Вижу, вам понравилось, это хорошо. Но дальше все было не столь оптимистично. Ваши соотечественники получили приказ свернуть лабораторию. Они надеялись вернуться, поэтому решили оставить материалы и документы в Крыму, тщательно спрятав, чтобы не нашли партизаны. О, партизаны доставили им много хлопот! – Он расхохотался неприятным смехом. – Дело в том, что они следили в оба глаза за экспедицией Олендорфа, были осведомлены об открытиях. Вот почему партизанский отряд напал на экспедицию и похитил важные документы, – Виктор глотнул. – Среди них оказалась карта с зашифрованными на ней координатами местонахождения так называемых сокровищ, оставленных в Крыму вашими соотечественниками.

– Почему сокровищ? – недоуменно спросил фон Лаппе.

– Согласитесь, – охотно отозвался гость. – Если экспедиции удалось обнаружить нечто влияющее на ход военных действий, это уже сокровище.

Барон кивнул:

– Возможно, вы правы. Но хоть убей, я не понимаю, куда вы клоните. Кажется, мой слуга сказал, представляя вас, что вы можете мне помочь. Как и чем? И какое отношение имеет к этому крымская экспедиция, в которой принимал участие мой дед!

Незнакомец поднял руку, и в лучах заходящего солнца блеснул перстень необычной формы:

– Минутку, мой дорогой барон, минутку. – Генриха покорила фамильярность незваного гостя. – Подхожу к делу. Вы же не будете отрицать, что ваш кирпичный завод на грани банкротства?

– Не буду, – отозвался фон Лаппе. – И что с этого?

– Если вы не уволите вору-управляющего, который просаживает в казино ваши деньги, и не сделаете хорошие денежные вливания, ваш бизнес умрет, – тон Виктора стал суровым. – Однако если бы это было так просто, вы давно бы уже сделали это без моей подсказки. Воз-

можно, вы не знали только про управляющего... Теперь знаете, но это делу не поможет. Для спасения вашего бизнеса нужны деньги, а их у вас нет. Я прав?

Генрих молчал. В конце концов, почему он должен откровенничать с первым встречным?

– У вас их нет, мне это точно известно, – усмехнулся Виктор. – Не удивлюсь, если перед моим приходом вы обдумывали продажу своего особняка. Я угадал?

– Допустим, – наконец выдавил фон Лаппе. – И что с того?

– Я знаю, где взять деньги, – продолжал Виктор. На желтоватом лице барона появилась заинтересованность.

– Правда? И где?

– Экспедицией, в состав которой входил ваш дед, были сделаны уникальные открытия, – ответил русский. – Об этом я толковал вам битый час. Документы до сих пор спрятаны на крымской земле. Стоит только поехать и взять. Поверьте, любая страна предложит вам за них огромные деньги. Всем хочется властвовать над миром, не так ли? Эти деньги вы вложите в бизнес и начнете процветать, как прежде.

Фон Лаппе усмехнулся. Предложение незнакомца напоминало красивую сказку.

– Если это так просто, почему вы не сделали это сами? – спросил он. – И откуда у вас такая уверенность, что они до сих пор покоятся там, куда их положили? Вы же сами сказали про партизан. Разве они не нашли документы?

– Не нашли, – уверенно произнес Виктор. – Все партизаны погибли. Карту забрали две молоденькие девушки.

Генрих наклонил голову:

– Так... Почему вы думаете, что они не воспользовались находкой и не отыскивали документы?

– Они не воспользовались находкой, – веско проговорил посетитель. – Это правда. Все было под контролем.

Фон Лаппе потер висок:

– То есть, вы хотите сказать...

– Все там, где и было, – уверенно произнес Виктор. – Позже, если вас заинтересует, я расскажу подробнее. Ну что, вы согласны поехать и забрать их?

Генрих закрыл глаза. Перед ним пронеслись заманчивые картины расцвета его семейного бизнеса. В самом деле, если все так просто, как говорит незнакомец, почему бы ему...

– Допустим, я согласен, – произнес он. – Что дальше?

– Дальше вы должны помочь мне спонсировать экспедицию поиска документов, – невозмутимо пояснил Виктор. – Думаю, кое-какие деньги у вас есть. Почему бы вам не вложить их в проект?

Фон Лаппе усмехнулся:

– Значит, бесплатно нельзя...

– Бесплатно не получится, – в тон ему отозвался гость. – Разумеется, мы не станем лазать по горам и гоняться за желающими составить нам конкуренцию. Сами понимаете, бесплатно никто и пальцем не пошевелит.

Барон ничего не ответил. Виктор продолжал:

– Если кое-кто не захочет делиться информацией, с ним придется поработать индивидуально.

– То есть убивать? – Генрих сжал кулаки. – Я не собираюсь подписываться под убийством. Убирайтесь вон, мне не нужны никакие сомнительные заработки!

Виктор ухмыльнулся:

– Ну и черт с вами, – он встал со стула. – Я пришел к вам первому только потому, что мне показалось: вы имеете отношение к документам. Но если вы добровольно отказываетесь участвовать в проекте – черт с вами. Я найду того, кто заплатит деньги. А вы сидите здесь и

ждите своего банкротства, – он собирался что-то добавить, но передумал и махнул рукой: – Желаю успеха.

Генрих перехватил посетителя возле двери:

– Стойте. Насколько это опасно?

Он вспомнил высказывание своего отца, что деньги не всегда бывают чистыми. В конце концов, его семья всего лишь возвратит себе то, что ей полагается по праву. В противном случае этим завладеют случайные люди.

– Насколько это опасно? – повторил барон, глядя в холодные глаза Виктора. Тот улыбнулся:

– Я знал, что вы будете благоразумны, – почти ласково произнес он. – Это не будет опасно, если мы найдем профессионалов. А они дорого стоят. Ну что? Каково ваше решение?

Генрих снова опустил на стол и склонил голову:

– Я согласен. Деньги будут завтра.

Виктор щелкнул пальцами, и снова блеснул перстень:

– Отлично. Значит, завтра продолжим наш разговор. А пока разрешите откланяться, господин барон. И умоляю, не пытайтесь меня обмануть. У вас ничего не получится. Все под контролем.

За ним захлопнулась дверь, а Генрих все стоял и смотрел широко раскрытыми глазами туда, где еще недавно находился посетитель. Простояв некоторое время, словно приклеенный к полу, он повернулся и на негнущихся ногах подошел к креслу. Все, что сейчас говорилось, нет слов, звучало заманчиво: предстояло всего-навсего найти документы, за которые кто-то выложит баснословные деньги. Как неплохой бизнесмен, он привык взвешивать каждый свой поступок. Да, Генрих пообещал Виктору материальную помощь, однако перед этим следовало все хорошенько обдумать.

В дверь заглянула Луиза:

– Дорогой, кто был этот неприятный человек? Какие у тебя с ним дела? И когда наконец ты подойдешь к столу?

– Иди, Луиза, сейчас подойду, – в голове барона крутились противоречивые мысли. Он встал, подошел к шкафу, открыл дверцу и достал шкатулку ручной работы. В этом ларце хранились письма от деда, сначала любовно сберегаемые бабушкой, а потом другими членами семьи. Генрих отыскал самое последнее – об этом можно было судить по дате на пожелтевшем листке бумаги, исписанном красивым ровным почерком – и принялся жадно читать. Дед писал о трудностях и лишениях, выражал надежду на скорое возвращение домой. Фон Лаппе заинтересовала одна фраза «Герда, когда я вернусь, мы приумножим наш бизнес, – читал барон. – Мы станем баснословно богаты. И этим я буду обязан экспедиции, отыскавшей артефакты, способные вершить судьбы людей. Так что жди меня и надейся на хорошее. Твой Ганс». Дрожащими пальцами барон сложил письмо в серый конверт, потом вернул в шкатулку и убрал ее в шкаф. Несомненно, дед имел в виду крымскую экспедицию. Что же, выходит, незнакомец говорит правду?

Еще немного посидев в одиночестве, фон Лаппе решил вложить в предприятие сто тысяч марок. Обманывать гостя и самому пускаться в крайне рискованное предприятие он не собирался. Его участие должно оставаться тайной. Если дело не выгорит, у него останется еще четыреста тысяч. Хватит для вложения в бизнес. И надо будет уволить управляющего, если Виктор сказал правду. В любом случае, много он не потеряет.

А между тем человек, который называл себя Виктором, уверенно шагал по Берлину и весело насвистывал какую-то незатейливую песню. Он был доволен собой. Генрих фон Лаппе заглотнул крючок, и это означало, что не сегодня-завтра он начнет искать то, что по праву принадлежит только ему. По окончании операции тот, кто называл себя Виктором, и не думал

делиться с бароном. Он не сомневался, что покупатели найдутся сразу. А потом с баснословными деньгами он скроется за границей, не в Германии, конечно, и фон Лаппе его не достанет.

Глава 4

Межгорск. Наши дни

Этот звонок был каким-то чужим: резким, нервным, дребезжащим. Так не звонили ни подруга Мария, которая уже много лет не приходила к ней, ни любимый внук. Роза Михайловна вздрогнула и встала из-за стола, оставив миску нечищеного картофеля. Как бы предчувствуя беду, заныло сердце, хотя на сердце она не жаловалась и в свои девяносто с лишним. Несмотря на грузную фигуру, бегала по магазинам и рынкам, делала всю домашнюю работу, стараясь не грузить внука, учителя русского языка и литературы: мыла полы, стирала, готовила. Правда, тяжелые сумки Олег таскал сам... «Он вообще молодец», – подумала Роза Михайловна и застыла у двери, в который раз сетуя на отсутствие дверного глазка. Чужой звонок повторился – более напористо.

– Кто там? – спросила она.

– Не бойтесь, – раздался и знакомый, и незнакомый одновременно мужской голос. Где она его слышала?

– Я и не боюсь, – участнице Великой Отечественной войны было смешно слышать такие слова. Женщина распахнула дверь. Перед ней стоял высокий представительный мужчина с черными, зачесанными назад волосами, смуглым лицом и большим носом. Он показался Розе знакомым. Только вот где она могла его видеть?

– Здравствуйте, уважаемая Роза Михайловна, – не спрашивая разрешения, он зашел в прихожую и огляделся. Пожилая женщина молчала, искоса поглядывая на гостя. Что ему нужно в ее доме?

– Мне говорили, что крымчаки, к коим вы принадлежите, довольно гостеприимны, – улыбнулся гость. – Ну, Роза Михайловна, разве вы не пригласите меня в комнату?

– Зачем? Что вам нужно? – От всей его фигуры исходила угроза, хотя карие глаза смеялись. – Что вам нужно? – повторила она. Он не собирался таиться.

– У вас есть вещь, нужная мне, – мужчина чеканил каждое слово. – Ну, дорогая моя, не прикидывайтесь. Вы знаете, о чем я говорю. Эту вещь вы заполучили еще во время Великой Отечественной.

Женщина продолжала молчать. Мужчина стал проявлять нетерпение.

– Роза Михайловна, будьте умнее и проницательнее, – процедил он. – Я не прошу вас отдать эту вещь просто так. Я хорошо заплачу, очень хорошо, вы слышите? Кажется, у вас молодой внук, учитель? Как мне известно, учителя не могут похвастаться зарплатами. Я могу дать очень большие деньги. И не в рублях. Вы меня понимаете?

– Не понимаю, – она наконец разомкнула губы. – Не понимаю, о чем вы говорите. У меня ничего нет. Никакой такой вещи, которая бы стоила так дорого.

– Хорошо, – он кивнул, – согласен. Вам трудно принять такое решение с ходу. Даю вам день на размышление. Если что – вот моя визитка, – гость положил на стол маленький картонный квадратик. – Здесь только телефон. По-моему, нет нужды указывать свое имя, если предлагают такие деньги.

– Уйдите, прошу вас, – голос женщины задрожал. Она вдруг вспомнила, где могла его видеть. – И никогда больше не приходите сюда.

– Я не обижаюсь, Роза Михайловна, – мужчина развел большими руками. – И все же надеюсь на ваше благоразумие. Именно поэтому я уверен, что вы не пойдете в полицию, – он направился к двери и открыл ее. – До свидания. И помните: один день. Не больше. У меня нет времени.

– Уходите, – теперь ее голос звучал тверже. – Это мой окончательный ответ.

– Никогда не говори «никогда», – рассмеялся он, прежде чем утонуть в сумерках.

Закрыв за ним дверь, Роза Михайловна прислонилась к стене. Она задыхалась. На смуглом морщинистом лице выступили крупные капли пота. Этот негодяй не оставит ее в покое даже после смерти. К сожалению, незнакомец во многом прав. Это было бы верхом глупости жаловаться на него в полицию. Ее пальцы с утолщенными суставами сгребли визитку и разорвали на мелкие кусочки. Никакой продажи не будет. А завтра она все расскажет Олегу. Почему завтра, почему не сегодня? Ей нужно собраться с духом. Слишком много горестных событий придется восстанавливать в памяти. Но внук должен обо всем узнать. Узнать и принять справедливое решение. А он примет – женщина в этом не сомневалась.

Глава 5

Крым, 1941 год. Севастополь

– Ну, детки дорогие, пора и за стол садиться, – сказал Яков Захарович Бакиши, потирая руки. – Наша дорогая мама и бабушка, как всегда, на высоте. Запах, – он потянул длинным крючковатым носом, – потрясающий. Роза, помоги бабуле накрыть на стол.

– Конечно, дедушка, – отозвалась четырнадцатилетняя красавица Роза, тонкая, как тростиночка, красивая той восточной красотой, которой всегда восхищались поэты и писатели: смуглая гладкая кожа, черные глаза с поволокой, тонкий нос с чуть заметной горбинкой. – Мама и тетя Сара, наверное, уже устали.

– Что же ты не с ними? – строго спросил дед. – Почему отлынивала от работы?

– А вот и неправда! – крикнула Роза и засмеялась. – Я сегодня сама курабье приготовила.

– Правда? – Старик взглянул на нее поверх очков с толстыми стеклами. – За это хвалю. Ну иди, неси угощение.

Девушка охотно отправилась на кухню. Она любила и уважала деда – высокого, молоджавого, подтянутого, аккуратно и со вкусом одетого, носившего очки с толстыми стеклами, за которыми всегда угадывался добрый взгляд. Несмотря на то что Яков Захарович был сапожником, как и его дед и отец (сын, отец Розы, тоже пошел по его стопам), он слыл образованным человеком: хорошо знал историю, читал Тору в оригинале на древнееврейском языке. Девушка улыбнулась, вспомнив, как однажды на празднике Пасхи дедушка спросил ее:

– Знаешь, почему я так поломал мацу?

Она замотала головой, и тогда старик, посадив внучку на колени, стал терпеливо рассказывать о том, как евреи вышли из Египта и сорок лет бродили по пустыне. Это звучало, как интересная сказка, и Роза заснула у него на коленях, а тетя Сара, старшая сестра мамы, отнесла ее в кровать. Именно благодаря Якову Захаровичу семья Бакиши была сплоченной, именно из тех семей, про которые говорят: «Вместе в беде и в радости». Благодаря рассказам деда и бабушки Роза знала, сколько несчастий перенесла ее семья.

В 1914 году с началом Первой мировой войны Якова призвали на военную службу. Ему повезло. Он не получил даже царапины и после окончания военных действий вернулся в Бахчисарай, где его ждали мать, отец и красивая невуныя Мириам. Вскоре молодые сыграли свадьбу, и один за другим у них родились трое детей. Казалось бы, можно жить да радоваться, заниматься любимым делом и растить ребятнишек. Но эпоха лихолетья не закончилась. Во время Гражданской войны, когда обе воюющие стороны демонстрировали негативное отношение к евреям и крымчакам, Яков решил ехать в Палестину. Добраться до нее тогда можно было только одним способом: сначала на борту фелюги до Батуми, а потом вместе с контрабандистами – до Турции. Только оттуда, либо по морю, либо по суше, крымчаки попадали в Палестину.

Как известно, фелюга – это небольшое судно со своеобразными косыми парусами, которое способно взять на борт лишь десять человек. Вот почему на семейном совете было решено отправлять семью маленькими группами. В последний момент мать деда, прабабушка Розы, категорически отказалась ехать.

– Это земля моих предков, – сказала она. – Разве я могу ее покинуть? Яков, ты сотни раз был на нашем старом крымчацком кладбище. Обращал ли ты внимание на даты жизни и смерти? Некоторые так затерлись, что невозможно прочитать. Но есть и разборчивые. Одно захоронение тысяча пятьсот семьдесят пятого года. Тебе это ни о чем не говорит? Наш народ жил здесь несколько веков и здесь умирал. Если мне суждено умереть, я хочу сделать это на родной земле.

Ему так и не удалось уговорить женщину, и они решили ехать сами. Яков успокаивал себя: когда они благополучно устроятся на чужбине, он придет за матерью, и она последует за ним. Правда, в это слабо верилось, но тем не менее это было хоть какое-то оправдание того, что они оставляют пожилую женщину совсем одну, пусть и на родной земле.

Через несколько дней после этого разговора семья тронулась в путь. Дедушка и два его брата с семьями благополучно достигли Константинополя, а вот судьба младшей сестры сложилась трагично. Фелюга, в которой она пыталась достичь турецкого берега, была захвачена пиратами, забравшими весь нехитрый скарб беженцев и в одночасье покидавшими их за борт. Яков Захарович очень любил младшую сестру, и известие о гибели всей ее семьи подкосило его. Те несколько дней, что он провел на турецкой земле, стали для него пыткой. Он ждал корабль в Палестину, ходил по знаменитой турецкой набережной Остеклял, смотрел, как рыбаки продавали только что выловленную рыбу, вспоминал Крым, край, пахнувший польнью и чабрецом, довольно свободно болтал с турками, потому что язык крымчаков очень напоминал турецкий, и иногда перекидывался словечками с белыми офицерами, так же, как и он, бежавшими от новой власти.

– Нам говорят, скоро все кончится, – заверяли его эмигранты, но в их глазах он читал неверие и тоску по родине. Наконец парусник повез их на новую родину – так, во всяком случае, они предполагали, но попытка репатриации окончилась неудачно. В жаркой Палестине он оказался невостребованным. Местное население ходило в основном босиком и в услугах сапожника не нуждалось. Промаявшись несколько лет, Яков Захарович засобирался на родину, решив: будь что будет.

Жена и дети с энтузиазмом восприняли его предложение. Им осточертели чужие берега. Тогда никто из них не думал, как встретит их родина. Как бы ни встретила – их место там, на крымской земле. Дед рассказывал: когда они возвращались назад, то не спали ночей, всматриваясь вдаль. И когда показался знакомый маяк на мысе Сарыч, Мириам упала без чувств.

Родная земля приняла блудных детей. Якову повезло. Большевики провозгласили новую экономическую политику и не подвергали репрессиям тех, кто вернулся с чужбины. Приехав в родной Бахчисарай, он с тоской посмотрел на полуразвалившийся домик и огород, заросший сорняками. Худой, изможденный сосед дядя Антон, так изменившийся внешне, что Яков еле узнал его, произнес, шамкая синими губами:

– Голод у нас был. Что только ни ели. Все фрукты зеленые ободрали. Траву жевали. И мать твоя... – он вздохнул и снял с головы ветхую шапочку. Яков все понял.

– Умерла, – проговорил он и сжал кулаки.

– Да, – подтвердил дядя Антон. – С голоду.

Мириам жалобно всхлинула.

– Жена, – произнес Яков, – и вы, – обратился он к детям. – Забирайте из бабушкиного дома все вещи, которые нам могут пригодиться. Здесь мы жить не будем.

Они взяли все, что могли унести, погрузили на телегу и поехали в Севастополь. В этом городе жил друг Якова, тоже крымчак, который давно приглашал его, говоря, что городу требуются сапожники. Деду Розы повезло во второй раз. Он поселился в доме почти в центре Севастополя, открыл сапожную мастерскую и вырастил троих детей, из которых в Севастополе осталась одна Сара, выйдя замуж за местного парня Исаака. Старший сын Михаил, тоже сапожник, женился на Хая и переехал в ее края – под Симферополь. Младшая дочь подарила любовь греку и теперь тоже жила в Симферополе. Это была большая и дружная семья, всегда собиравшаяся по праздникам и дням рождения вместе. Роза считала, что ей повезло с родными, и с удовольствием помогала накрывать на стол.

На кухне высокая стройная тетя Сара вместе с мамой и бабушкой раскладывали кушанья по тарелкам. Девушка облизнулась, увидев свой любимый «Тошеме» – пирог со свежей вишней, только вытасченный из печи. Бабушка Мириам, увидев внучку, расплылась в улыбке: – Красавица моя пришла. Небось, дед тебя торопит? Им, мужчинам, подавай все поскорее.

Роза кивнула:

– Да, бабуля. Они уже проголодались... от таких вкусных запахов.

Мама Розы, Хая, тоже высокая и стройная, но не такая красивая, как ее сноха (женщину немного портил длинный нос с большой горбинкой), придвинула дочери тарелку с перцем-бубером, фаршированным морковью.

– Неси пока это. Скажи, что у нас тут еще пеньырли-бибер. На горячее – таветэ и кавурма с черносливом. А на сладкое, – она показала на маленький столик, уставленный блюдами с хворостом и курабье, – тоже всего хватает.

Роза подошла к бабушке и положила голову ей на плечо. С губ Мириам Иосифовны как будто не сходила добрая улыбка, создававшая впечатление, что пожилая женщина всегда рада встрече и готова пообщаться. Впрочем, так оно и было. К Бакиши любили ходить в гости. Их знали как радушных хозяев и людей, всегда готовых прийти на помощь.

– Я отломил кусочек твоего курабье, – шепнула бабушка. – Ты прекрасная хозяйка. Так и тает во рту!

Роза обняла старушку за плечи.

– По твоему рецепту, бабуля. По твоему рецепту. Ты лучшая кулинарка в Севастополе.

– Ах, подлиза, – Мириам повернулась к ней и поцеловала в щеку. – Ладно, хватит болтать. Неси еду.

Роза подхватила поднос с закусками и бросилась в комнату. Дедушка, муж тети Сары, дядя Исаак и ее отец Михаил нетерпеливо постукивали вилками по столу.

– Ну наконец-то, – буркнул Михаил, увидев дочь. – Тебя только за смертью посылать.

– Сегодня вы сговорились уморить нас голодом, – полный лысоватый смешливый дядя Исаак подмигнул племяннице.

– Не ной, – раздался за спиной Розы голос его жены. – Сегодня мы так вас накормим, что три дня есть не захотите, – вместе с Розой они ставили блюда на стол. Дед потянул горбатым носом:

– Ох, не могу!

Бабушка и мама внесли сладкое и кувшины с киселем.

– Налетайте, – скомандовала Мириам. – Исаак, ты не прав, что не взял с собой детей. Я знаю, Женя так любит мои пироги. И по Машеньке я соскучилась. И Раечка сегодня не приехала. А обещала.

Слушая жену, Яков Захарович морщился. Он не очень приветствовал брак младшей дочери с греком Андреасом Омириди, так как считал, что крымчаки не должны смешиваться с другими народами. Их и так слишком мало на этой земле.

– И черт с ними, – буркнул он и посмотрел на зятя. – Так почему внучат не привели?

Исаак щелкнул языком, накладывая на тарелку пеньырли-бибер – икру из перца с брынзой и чесноком.

– Захотели в кино. Ну, шо тут скажешь? – Он намазал икрой кусок черного хлеба и отправил в рот. – Вкуснятина! Миша, ты не рассказал, как дела в вашем поселке, – обратился он к шурину.

– Работы хватает. – Отец Розы накладывал горячее таветэ – тушеное мясо с рисом. – М-м-м, пахнет аппетитно.

– А как нога? Не беспокоит? – Исаак не случайно задал такой вопрос. Год назад сапожник ходил в горы за хворостом и упал в пропасть. Он чудом остался жив, приземлившись на

каменный карниз, но при падении сильно раздробил кость. Врачи сказали, что буквально собирали ногу по кусочкам, однако после нескольких операций Михаил по-прежнему прихрамывал и ночами порой стонал от боли.

Он вздохнул:

– Чего ж не беспокоить? Беспокоит. Думаю летом в Москву смотаться. Может быть, тамошние врачи помогут... Симферопольские сказали – лучше не сделаем. А мне нужно лучше. Что же получается? Хромой на всю оставшуюся жизнь? Я еще не старый. Вон сороковник не перешагнул.

– Да, говорят, там врачи творят чудеса, – Яков Захарович сделал большой глоток кизилового киселя. – Правильно ты решил, Миша. Так говоришь, в поселке все хорошо? А как поживает Давид? Здорова ли его женишка?

Михаил принялся перечислять всех членов семьи Манто, старого приятеля отца, а женищины, сначала следившие за разговором мужчин, стали обсуждать свои дела. Бабушка Мириам обняла внучку за плечи и шепнула ей на ухо:

– Мама сказала, у тебя появился мальчик. Кто он, Розочка?

Девушка покраснела. Местный паренек Борис очень нравился ей, но никогда, в отличие от многих молодых людей, не признавался в своих чувствах. Они ходили в кино, ездили в город, он нежно брал ее за руку и глядел в глаза, однако не произносил нежных слов, которые она так ждала. Вот почему Роза ответила:

– Об этом еще рано говорить.

Старушка все поняла и улыбнулась своей доброй грустной улыбкой:

– Из наших, крымчаков?

Смуглянка кивнула:

– Да.

– Как его зовут? – поинтересовалась Мириам Иосифовна.

– Борис, – улыбнулась внучка. – Борис Токатлы.

Бабушка еще крепче обняла ее.

– Я знаю эту семью. Родители – порядочные люди. Думаю, Боря тоже. Вот ты и выросла, Розочка, – задумчиво проговорила она. – Совсем уже большая. И мальчик появился. А мы с дедом стареем.

Роза всплеснула руками:

– Да что ты, бабушка? Разве вы с дедулей постареете? Ты у меня еще молодая и красивая.

Мириам Иосифовна погладила ее по голове.

– Хочу дожить до правнуков, – призналась она.

– И доживешь, – горячо сказала девушка. – Обязательно доживешь. Увидишь свою правнучку, которую я назову так же, как тебя, – Мириам.

– Ты моя хорошая, – растрогалась пожилая женищина и бросила взгляд на дочь и невестку. Они горячо обсуждали знакомую портниху, тоже крымчачку, которая шила прекрасные вещи и считалась самой модной в Севастополе. Потом черные глубокие глаза пробежались по столу. Мужчины уже доедали последние куски горячего.

– Роза, Сара, Хая, убирайте тарелки, – командовала она. – Пора пить чай.

– А верно, пора, – Яков Захарович взглянул на старые часы с кукушкой, висевшие на стене. – Скоро пять. Когда за вами приедут? – спросил он Михаила, жившего с семьей под Симферополем в поселке Марьино. – Ты говорил, вас заберет грузовик.

– Заберет, – подтвердил сын. – Коля обещал к шести подруть. Повезло мне, что он сегодня повез продукты в Севастополь. Мы все к нему и примкнули.

– Мириам, поторопись с чаем, – провозгласил дед.

Женщины гремели тарелками. Роза ставила сладкое на освободившиеся места. Яков Захарович подмигнул внучке.

– Твое курабье я попробую в первую очередь.

– Раньше тошеме? – удивилась Сара. – Папа, вы же всегда были равнодушны к пирогу.

– Тошеме подождет, – старик хлопнул кулаком по столу. – Мне интересно, как готовит моя внучка.

Мириам Иосифовна уже спешила с пузатым чайником.

– Хая, быстрее расставляй чашки.

Бабушка лукаво улыбнулась.

– Я слышала, за тобой ухаживает еще один паренек, татарин, сын Зарифа. Мы очень давно знаем и эту семью – когда-то они жили в Бахчисарае.

Яков встрепенулся:

– Зариф? Помню, помню. Он не рассказывал о странных ученых, искавших в горах Золотую колыбель? Эти приятные господа неоднократно беседовали со мной. Их интересовали крымские легенды.

Девушка нервно передернулась и побледнела.

– Какая Золотая колыбель? Бабуля, не говори о нем. И ты, дед.

На лице старушки появилось беспокойство, и морщина на лбу стала еще глубже.

– Почему?

– Он гадкий человек, бабуля.

Мириам Иосифовна закивала.

– Ну, хорошо, родная, как хочешь... – Она прислушалась к разговору дочери и невестки. Они обсуждали родственников, живших в Карасубазаре.

– Абрам – лучший портной, – тараторила Сара. – К нему даже из Симферополя едут. Представляешь, во время нашей последней встречи он говорит мне: «Недавно был в Одессе и познакомился с портным на Дерибасовской. Сара, чтоб я так жил!»

– Рая тоже хорошая портниха, – вставила Хая. – Насколько я знаю, она здорово ему помогает.

Сара всплеснула руками:

– Что ты! Разве он доверит теперь своей жене хоть строчку? – Она искоса посмотрела на мужа и свекра и увидела, что они уже покончили с десертом. Яков Захарович перехватил ее взгляд.

– Молодцы хозяйюшки, от души накормили, – он крякнул и поднялся из-за стола. – Теперь и косточки размять бы не помешало, – старик подмигнул Розе. – Вкуснейшее курабье! Славная будешь хозяйка, – и, повернувшись к Хая, Яков Захарович добавил: – Тебе уже известно, кого будет потчевать моя красавица?

Роза покраснела и выбежала из комнаты.

– Стеснительная, – удовлетворенно заметил старик. – В тебя, Хая. Кстати, ты так и не ответила на мой вопрос. Кавалер у нас имеется?

– Борис, – ответила мать Розы и принялась собирать тарелки.

Дед прищурился:

– Это какой Борис?

– Из семьи Токатлы, – вмешалась бабушка. Яков Захарович хлопнул в ладоши.

– Внук Иосифа Токатлы? А, старый черт, все-таки мы с тобой породнимся! – Он похлопал по плечу зятя. – Давайте постоим на балконе. Погода сегодня великолепная. Ты покараулишь свой грузовик, – предложил он Михаилу, – а мы с зятьком покурим, – говоря «покурим», он, сам никогда не бравший в рот сигарету, имел в виду родственников.

Мужчины вышли вслед за стариком, а Мириам Иосифовна с Сарой и Хаяй принялась собирать тарелки и носить на кухню, где Роза, облаченная в серый передник, мыла их в горячей воде.

– Ты вопросов деда не стесняйся, – говорила ей бабушка. – Он за тебя переживает так же, как и я. Знаешь, какое это волнительное дело – выдавать замуж?

Щеки девушки снова покрыл румянец:

– Бабушка, но еще рано... – она не успела договорить.

– Роза, Хая, Николай приехал! – крикнул глава семьи, и Мириам выхватила из рук внучки глубокую тарелку, испачканную соусом.

– Видно, машина за вами приехала. Собирайся.

Роза всплеснула руками:

– Вот, и не помогла тебе...

Бабушка снова обняла внучку и сняла с нее передник.

– Еще как помогла, – улыбнулась она. – И комплимент от деда заслужила. Сама знаешь, какой он у нас строгий. Ну, беги, не задерживай родителей.

Девушка вышла в большую комнату. Там, возле зеркала, прихорашивалась Хая. Михаил натягивал ботинки.

– Готова? – спросил он, строго взглянув на дочь. Роза подошла к зеркалу и провела расческой по густым волосам.

– Да, папа.

– Тогда прощайся с дедом и бабушкой – и в путь.

Девушка подошла к Мириам Иосифовне и прижалась к ее широкой груди. Пожилая женщина неожиданно всплакнула.

– Что вы, мама? – удивленно спросил Михаил. Бабушка приложила руку к груди.

– Сердце что-то схватило. Предчувствие... – увидев, что все смотрят на нее с беспокойством, она быстро взяла себя в руки: – Ничего страшного. Видно, устала немного. Розочка, подожди, – Мириам Иосифовна вдруг выбежала из комнаты и через несколько секунд вернулась с маленьким свертком. – Это тебе, – она сунула его в задрожавшие руки девушки. – Ожерелье твоей прабабушки. Есть у нас вещи, которые передаются по наследству... Ты знаешь. Бабушка Нонна не снимает с пальца перстень... – Старушка говорила сбивчиво, и Михаил снова поинтересовался:

– Да что случилось?

– Ничего, ничего, мой родной, – Мириам Иосифовна быстро поцеловала его в щеку. – Идите. Вас уж, небось, заждались.

– Ну, придумала, предчувствие у нее. – Дед снял очки. – Не слушайте старую, мои хорошие.

Хая обняла сначала свекровь, потом свекра.

– Скоро увидимся, – сказала она. – Как только кто-нибудь на машине сюда засобирается, я или сама приеду, или Розочку пришлю.

– Да, да, Розочку, – бабушка, казалось, думала о чем-то своем. – Конечно, мы будем вас ждать.

Во дворе уже сигналила машина.

– Жена Николая не разрешает ему задерживаться, – пояснил Михаил и подхватил сумку, наполненную гостинцами. – Ну, зачем, мама, вы туда столько положили? Мои племянники тоже хотят отведать сладостей. Сара, тебе что-нибудь осталось?

Сестра закивала.

– Осталось, осталось, Мишенька, не волнуйся.

Она наспех обняла брата.

– До встречи.

– До встречи, – Михаил посмотрел на жену и дочку. – Давайте, девочки, поторопитесь. Они вышли во двор. Захар, Мириам, Сара и Исаак махали руками. Роза повернулась и стала махать в ответ. Из кабины выглянул рассерженный Николай.

– Ехать думаете? – ехидно поинтересовался он. – Между прочим, уже десять минут загораю.

– Извини, Коля, так получилось, – Хая старалась говорить как можно вежливее. – Засиделись вот... Роза, залезай в кабину, а мы с папой в кузове поедем.

Девушка покачала головой:

– Мапочка, я хочу подышать воздухом. Садись сама к дяде Николаю.

– Тогда пусть папа туда садится, – решила женищина. – Я с тобой, доченька.

Михаил морщился, слушая разговоры.

– Только время тянете, – он хотел заартачиться, но передумал: – А, черт с вами. Тряситесь в кузове.

Мужчина помог жене и дочери забраться в кузов.

– Только не вывалитесь на повороте, – напутствовал он. – Мать мне не простит, если с вами что-нибудь случится.

– Да кончай болтать! – разозлился Николай. – Либо ты едешь, либо...

– Иду, – мужчина распахнул дверь и залез в кабину настолько проворно, насколько позволяла искалеченная нога. Роза бросила прощальный взгляд на балкон. Сара и Исаак ушли в комнату, дед последовал за ними, и лишь бабушка, как статуя, стояла и смотрела на них. Из черных глаз, окаймленных темными кругами, выкатилась слеза, которую старушка тут же смахнула передником.

– Что это с бабулей? – спросила девушка мать, когда грузовик тронулся. – Сегодня она какая-то... Даже не знаю... Так прощалась, будто с нами больше не увидится.

– Для пожилых людей это характерно, – вздохнула Хая. – Каждый день они благодарят Бога, что он дал им возможность еще пожить на этой земле.

Роза задумалась.

– Странно, – заметила она. – У бабушки прекрасное здоровье. Во всяком случае, при мне она ни на что не жаловалась.

Грузовик так тряхнуло на повороте, что девушка ухватилась за мать, и обе чуть не упали с деревянных скамеек.

– Да, не жаловалась, – подтвердила женищина. – Но я объяснила тебе. Пожилые люди задумываются об этом чаще, чем мы.

Девушка нахмурилась.

– Я еще никого не хоронила, – вздохнула она, – и представить не могу, что наступит такой день, когда умрет дедушка и бабушка покинет этот мир. Я знаю, что это когда-нибудь будет, но мне бы хотелось, чтобы это было еще не скоро.

– Не мы решаем, как все будет, – философски заметила Хая. – Слушай, дочка, а почему это мы завели с тобой такие печальные разговоры? Оглянись вокруг – красота-то какая! Травушка зеленая, горы вдалеке синеют... Жить надо да радоваться.

– У бабушки Нонны давно не были, – переменяла тему дочка. – Вроде недалеко друг от друга живем, а видимся редко. Раньше каждый праздник собирались...

– Это верно, – вздохнула Хая. – Стареет наша тетушка. Лет десять назад еще резвая была.

Роза задумалась. Нежный смуглый лоб прорезала тонкая морщинка.

– Бабуля как-то показывала мне фотографии их семьи, – проговорила она. – Нонна в молодости была очень хороша собой.

– У нее очень интересная судьба, – кивнула Хая. – Перстень, который она носит много лет, – подарок покойной матери. Это их семейная реликвия.

– Так вот почему Нонна никогда не снимает этот перстень! – воскликнула Роза. Хая усмехнулась:

– Он уже и сам не снимается. Врос в палец. Нонна говорит – это не случайно. Она всегда будет помнить о своей семье и о своем муже. Знаешь, что после его смерти она и не взглянула на другого мужчину?

– И я с Борей... – начала было Роза и запнулась. Мать пристально посмотрела ей в глаза.

– При чем тут вы с Борей, доченька? Он что, уже сделал тебе предложение?

Сквозь смуглоту щек девушки пробился румянец.

– Да ты что, мамуля? – расхохоталась она. – Какое предложение? Сначала нужно школу закончить. Ты ведь знаешь, что я буду поступать в педагогический институт. И Боря хочет учиться. Правда, его семья против, – вздохнула она.

Хая сразу поняла ее.

– По семейным традициям Токатлы мальчишки становятся либо сапожниками, либо портными, – сказала женищина. – Вот почему его дедушка, старый Исаак, не обрадовался. Да и отец Бориса наверняка тоже против.

– Против, – подтвердила Роза. – Мамочка, ну сейчас совсем другое время. Люди стремятся получить образование.

– Думаю, в конце концов они это поймут, – заметила Хая. – Знаешь, что-то меня в сон клонит. Я вздремну немного, а ты посиди, помечтай. О Борисе будешь думать, верно?

– Да, – кивнула девушка. Мать устроилась на полу кузова и действительно сразу задремала. А Роза до самого поселка мечтала о том, о чем может мечтать девушка в самом романтическом возрасте.

Глава 6

Межгорск, наши дни

Посланцы от гостя явились – и очень скоро. Они проникли в квартиру, несмотря на то что Роза была осторожна, как никогда. Они взяли хитростью. Господи, сколько людей попадает на эту избитую фразу: «Откройте, вы затапливаете соседей!» Поддалась и она, хотя еще вчера зарекалась пускать в квартиру кого-либо, кроме внука и подруг. Едва открылась дверь, они сразу ввалились в квартиру – двое рослых парней, коротко стриженных, в футболках, накачанные, без малейшего признака интеллекта, слишком уж напоминавшие киношных бандитов. Они схватили ее под руки и поволокли на стул, стоявший в гостиной.

– Ты, бабка, зря артачишься, – сказал ей тот, что повыше. – Шеф пояснил тебе: все равно выйдет так, как захочет он. Будешь умницей, отдашь то, что он хочет – и скрипи себе дальше. В противном случае через три дня ты переселишься на кладбище.

Роза Михайловна гневно выпрямилась. Какие-то сосунки смели приказывать ей, ей, прошедшей горнило страшной войны!

– Если вы немедленно не покинете мою квартиру, я вызову полицию.

Здоровяк небольшого роста подмигнул приятелю:

– Смотри, она еще и строптивая. Смерти не боишься, бабуля?

– Смерти! – Роза Михайловна усмехнулась. – Если бы ты знал, сопляк, сколько раз я смотрела ей в глаза. А ты боишься, это видно сразу. Труссы!

Здоровяк кинулся к ней:

– Ах ты старая...

Высокий остановил его.

– Роза Михайловна не боится смерти, – он потер щеку, оставив красный след. – Что ж, это свойственно людям ее возраста. Не сегодня-завтра они готовятся сыграть в ящик. Некоторые из них просто молятся, чтобы Господь их скорее забрал. Что ни говори, старый человек – обуза для родных. Нет, смертью мы ее не напугаем. А как насчет боли? Может быть, она боится боли? Сколько ты выдержишь пытки в твоём-то преклонном возрасте? Например, горячим утюгом?

Роза Михайловна зашевелилась. Действительно, на что она способна в таком возрасте? Когда-то ее били полицаи, потом следователь НКВД. Тогда она была молодой и здоровой. А сейчас... Разумеется, долго ей не выдержать. Бедный Олежек, останется совсем один!

Высокий взял утюг, стоявший на гладильной доске, и включил его в розетку. Когда он раскалился, парень поплевал на него для большей убедительности и, прислушиваясь к шипению слюны, напоминавшей шипение кобры, удовлетворенно кивнул:

– Вот теперь за дело.

Роза Михайловна зажмурилась. Когда нос утюга коснулся кожи на запястье, она истошно закричала и потеряла сознание.

– Старая сволочь! – выругался здоровяк. – Она сдохла, Вася?

Высокий бросил утюг и поморщился:

– Не хочу прикасаться к ней. Если не сдохла сейчас – отбросит коньки через полчаса. У нас мало времени, приятель. Давай-ка шевелись.

Они кинулись к шкафу и принялись выдвигать ящики. На пол полетело белье. Здоровяк рылся в столе.

– Ни хрена нет.

– Ищи лучше. Должно быть, – напутствовал приятель, не отставая от него. – Старуха и не скрывала, что эта вещь у нее есть.

Несколько минут они возились в комнатах. Вдруг высокий напрягся.

– Тише. Ты слышал?

Они кинулись к окну.

К дому подъезжала полицейская машина.

– Что за черт? – проговорил здоровяк.

– Наверное, соседи, – догадался напарник. – Бабка слишком громко говорила, а потом заорала, как резаная. Сматываем удочки, приятель.

Они выбежали из квартиры, не заметив, что дверь напротив приоткрыта. Из щели выглядывал острый нос соседки. Парни бросились на последний этаж. Они знали: через чердак можно уйти.

Перепрыгивая через старый хлам, который всегда валяется в таких местах, преступники слышали, как полицейские переговаривались с какой-то женщиной. Наверное, эта сука их и вызвала.

– Быстрее! – буркнул высокий, и они подбежали к чердачному окну. На крыше никого не было. Сейчас они перелезут на соседний дом, и никаким ищейкам их не поймать, во всяком случае, сегодня.

Разумеется, стоявшие возле квартиры Розы Михайловны не видели и не слышали бандитов. Пожилая соседка Полозовой, худощавая белокурая Дарья Федоровна, тараторила без умолку.

– Слышу, пришел кто-то к Розе. Ну, она сама открыла, это меня немного успокоило. А потом громкие голоса, возня и крики... Как вы понимаете, я не могла...

– Спасибо, спасибо, – благодарил ее молодой высокий следователь Андрей Колосов, поправляя густые светлые волосы и вытирая пот со лба. – Я знаю Розу Михайловну, это бабушка моего одноклассника, Олега Полозова. Он еще ничего не знает?

Дарья Федоровна покачала головой:

– Как с утра ушел в эту свою школу, так и нет его.

– Понятно, – Андрей нервно глотнул и помедлил, прежде чем зайти в квартиру. Когда-то он бывал тут каждый день, считая Олега своим лучшим другом. Роза Михайловна всегда угощала его какими-то незнакомыми, но упомрачительно вкусными блюдами, заваривала крепкий душистый чай с травами. Наверное, благодаря ей он и полюбил этот чай – отдававший чабрецом и мятой и хорошо утолявший жажду. Окончив школу, они продолжали созваниваться, но все реже и реже. Сначала их разъединила учеба в разных городах, а потом и работа Андрея с ее ненормированным графиком и редкими перерывами на обед. Молодые люди сначала назначали друг другу встречи, а потом махнули на это рукой: зачем договариваться о месте и времени, если один из них не может пообещать, что это время выкроит. Друзья ограничились поздравлениями и традиционными вопросами о семье. Андрей был женат и воспитывал дочку, Олег еще не встретил ту единственную. Теперь они точно увидятся – следователь в этом не сомневался. Ну почему этому суждено было случиться при таких обстоятельствах? Колосов вздохнул и толкнул дверь:

– Открыто, ребята. Сомневаюсь, что преступники нас ждут. Ну-ка, прошерстите дом, – обратился он к двум дюжим оперативникам и вошел в квартиру. – Господи ты боже мой! – вырвалось у него.

Дарья Федоровна, семенившая за ним, как утенок за уткой, охнула и прикрыла рот рукой.

– Да, это наша Розочка. Она мертва?

– Не знаю, – майор подбежал к Полозовой.

Бабушка Роза, знакомая и любимая с детства, сидела на стуле, уронив голову набок. Колосов взял ее пухлую смуглую руку, попытался нащупать пульс и вздохнул с облегчением.

– Ребята, жива. «Скорую» вызывайте. – Он поднял валявшийся возле стула среди других раскиданных вещей еще горячий утюг и покосился на красный треугольник на запястье женщины. – Ее что, пытали?

– Пытали? – выдохнула соседка. – Нашу Розу пытали? За что?

– Вот это нам и предстоит выяснить, – констатировал Андрей и обернулся к оперативникам, вбежавшим в комнату: – Женщина жива. Сейчас «Скорая» приедет. А вы, конечно, никого не поймали.

– Через чердак ушли, – вздохнул маленький, полноватый, всегда сильно потеющий Гриша Бороховский, проводя рукой по влажным жидким белесым волосам. – Эх, раньше бы минут на пять...

– Вы старушку на кровать перенесите, – распорядился Колосов. – На первый взгляд инфаркт у нее. Но врач лучше меня это определит.

«Скорая» приехала на удивление быстро, что в их городе было редкостью. Молодой юркий фельдшер, еще не страдавший равнодушием к пожилым пациентам, ловко сделал электрокардиограмму и произнес:

– Инфаркт, причем обширный. В больницу надо.

– Ну, так везите, – буркнул майор. – Да побыстрее. Смотрите, чтобы живой доехала. Головой за нее отвечаете.

Фельдшер замялся.

– Товарищ полицейский, вы разве не знаете... Нам санитаров не дают, один я. Ваши ребята не помогут? Только до машины донести, там носилки... А в больнице мы сами.

– Мои ребята и носилки приволокут, – Колосов бросил взгляд на оперативников, и Гриша Бороховский скомандовал:

– Веди, эскулап, к машине.

Тяжелую Розу Михайловну с трудом погрузили на носилки и вынесли из квартиры. Дарья Федоровна побежала за ними, вскрикивая и постоянно умоляя:

– Ради бога, осторожно!

Оставшись на время без помощников, Андрей огляделся по сторонам. Его узкие серые глаза словно ощупывали каждую вещь. В знакомой квартире, где все оставалось так, как двенадцать лет назад, царил беспорядок. Ящики были выдвинуты, и их содержимое валялось на полу, старая кровать, с которой сбросили матрас, ошетичилась пружинами. Осколки разбитой вазы матово блестели в лучах полуденного солнца.

– Ограбление? – майор словно рассуждал сам с собой. – Похоже.

– Очень похоже, – вздохнула прижавшаяся к стенке Дарья Федоровна. – К сожалению, жизнь сейчас тяжелая. Слышали, как в девяностые было? Воры залезали в квартиры и брали продукты из холодильника, а иногда и вовсе опустошали кастрюли на плите.

– Пристроили мы бабушку, – вклинился в их разговор второй оперативник, Дима Востриков, заходя в комнату. – Доставят в лучшем виде в первую городскую, в кардиологию. А там, – он поднял глаза к потолку, – одному богу известно, как будет, – мужчина бросил взгляд на разбросанные вещи. – Вы что-то говорили об ограблении и о тяжелой жизни.

Соседка кивнула.

– А еще у старушек всегда припрятаны гробовые деньги, – заметил Востриков. – У пожилых женщин порой имеется тайник.

– Верно говоришь, – одобрил Колосов. – Ребята, поищите его. Значит, Олег в школе? – обратился он к соседке.

– В школе, в школе, – закивала она так быстро, что ее голова заболталась, как у китайского болванчика. – Раньше четырех никогда не приходит. Впрочем, можете его найти. Школа-то недалеко, десять минут пешком.

– Знаю, знаю, – Андрей махнул рукой. Его приятель вернулся в школу, где когда-то учился сам. Правильнее сказать, где когда-то учились они. Впрочем, Колосов в этом не сомневался. Школа дала Олегу путевку в жизнь – стоило ли искать другое место работы?

Из соседней комнаты показался Востряков.

– Нашел тайник, – сообщил он. – Впрочем, это сделал бы любой школьник. Шкатулка старенькая в швейной машинке была припрятана. И гробовые нашел. Мне кажется, они там все до копейки. Машинку вскрыли, а денежки не тронули – так получается.

– Почему ты считаешь, что деньги не тронули? – удивился майор.

– Да потому, что их там двести тысяч, – пояснил оперативник. – Ну, сам посуди, старушка что, была миллионершей? Допустим, бандит хотел, чтобы мы не подумали об ограблении, хотя, признаться, такого в своей жизни я еще не встречал. Обычно преступники стремятся изобразить ограбление.

– Ладно, продолжай, – махнул рукой Колосов.

– Так вот, выходит, если на самом деле было ограбление, старушка припрятала в тайнике не меньше миллиона, – улыбнулся Дмитрий. – Бандиты взяли восемьсот тысяч, а остальное оставили для дураков. Бред какой-то, тебе не кажется?

– Кажется, но проверить не мешало бы, – вздохнул Андрей.

– Но они не взяли даже драгоценности, – пояснил коллега. – Несколько цепочек, кулон с бриллиантом и пять колечек с драгоценными камнями – на секретере в жестянке от леденцов лежали, нетронутые. За все можно было выручить неплохую сумму.

Его широкое лицо покраснело от напряжения.

– В тайнике, несомненно, было что-то еще, – проговорил он, словно обращаясь к самому себе. – Иначе зачем ее пытали?

– Я с тобой согласен, – майор похлопал его по плечу. – Только что же там было? Доллары, евро, какой-нибудь раритет?

– Сейчас эксперты творят чудеса, – ухмыльнулся Дмитрий. – Пусть Григорий возьмет необходимые пробы из тайника. Кто его знает, может, наши коллеги и ответят на все вопросы.

– Сам хотел это предложить, – Гороховский, вооружившись щеточками и пакетиками, отправился в соседнюю комнату.

– Пойдем и мы следом, – Андрей сжимал и разжимал большие кулаки. – Может, еще что интересное найдем.

Соседка слегка качнулась.

– Скажите, – пролепетала она, – я могу идти?

Востряков бросил на нее быстрый взгляд.

– Если телефон внука знаете, позвоните ему, пожалуйста. Пусть бросает все и бежит сюда. Только Олег способен прояснить ситуацию.

Старушка закивала:

– Знаю, знаю телефон Олежека. Он тут неподалеку в школе работает. Вмиг примчится. – Она достала из кармана халата мобильный, но Андрей опередил ее:

– Я тоже знаю его телефон. Вам никуда звонить не нужно. Я это сделаю сам.

Глава 7

Симферопольский район, село Прохладное. 1941

Высокий смуглый черноволосый парень в широких серых брюках и белой майке причмокнул пухлыми губами, увидев Розу, идущую к колодезю:

– Красотка. Хороша жидовочка.

Худощавый белобрысый паренек усмехнулся:

– Да, Рагим, ты прав. Хороша. Да только знаешь, как в таких случаях говорят? Хороша Маша, да не наша.

Приятель скривился, и на его красивом, но неприятном лице появилось неприятное выражение:

– Почему это – не наша?

– Потому что она крымчачка, ты татарин, а я русский, – пояснил блондин. – Я бы на твоём месте перестал заглядываться на неё. За тобой вон сколько девушек бегают... И татарки, и русские... Правда, я слышал, у вас тоже не приветствуются смешанные браки.

– Это как сказать, – процедил Рагим. – Впрочем, Федька, жениться на ней я не собираюсь. Мне понравилась эта хорошенькая жидовочка, и я хочу с ней переспать – вот и все. О женитьбе тут нет и речи. Чтобы я, чистокровный татарин, потомок Чингисхана, смешал свою кровь с еврейской!

Федор вздохнул:

– Об этом и мечтать не смей. Ничего у тебя не получится. Роза – девушка правильная.

– Она правильная, а я настойчивый, – Рагим вышел на дорожку, перегородив Розе путь. Увидев его, она остановилась как вкопанная. Этот татарин, всегда заговаривавший с нею на улице, пересытавший свою речь неприличными намеками, вызывал у неё страх. Вот почему она, развернувшись, поторопилась к дому. Но Рагим схватил её за руку:

– Подожди, Роза. Нужно поговорить.

– Говори. – Девушка смотрела куда-то в сторону. Татарин жёг её своими черными глазами.

– Роза, да ты никак боишься меня? – Он вырвал из её рук ведро, бросил на дорогу и схватил девушку за плечи. – Посмотри на меня, Роза.

Девушка усилием воли заставила себя взглянуть на него.

– Что тебе нужно?

– Запала ты мне в душу, – проникновенно начал Рагим. – Во сне тебя вижу. Страдаю. Измучился весь.

Роза молчала. В его пламенных речах она не чувствовала искренности. Татарин принял трагический вид:

– Ну же, Роза. Скажи, как мне быть?

– Рагим, ты ведь знаешь, – начала Роза, но он перебил её:

– Знаю что? Что ты любишь Бориса? Ты уже это говорила, и не раз. Выходит, он счастливчик. А как быть мне?

– Не знаю, – наконец выдавила из себя крымчачка. – Найди себе достойную пару. Ты нравишься Алсу. Она очень хорошая девушка.

– Зато мне Алсу не нравится. – Он сдавил её руку и потащил в густые кусты сирени. – Я хочу тебя.

– Оставь меня в покое! – Роза принялась колотить по широкой спине, но силы были неравные. На полянке, между кустов, он попытался повалить её на землю. Девушка пронзительно закричала.

– Кричи, моя жидовочка, никого рядом нет, – его рука потянулась к ее груди. – Обещаю, тебе не будет больно.

– А тебе будет, – послышался знакомый любимый голос Бориса, и Рагим вдруг как-то обмяк, отпустил ее и поднялся с колен. Вслед за ним вскочила и Роза, приводя в порядок сбившиеся волосы.

– Боря, Боря, как хорошо, что ты меня нашел! – закричала она. – Этот подонок пытался... – Девушка вдруг зарыдала. Борис сжал кулаки.

– Роза, иди домой, мы с Рагимом поговорим по-мужски.

– Нет, я не оставлю тебя, – она прижалась к его теплому телу. – Я не оставлю тебя.

Борис улыбнулся и разжал ее руки:

– Я сказал – иди. Я скоро приду к тебе, вот только объясню этому невежливому человеку, как нужно себя вести.

Розу трясло.

– Я боюсь за тебя, – прошептала она, но парень подтолкнул ее к дороге.

– Не бойся. Все будет хорошо. Ты говорила, что завтра уезжаешь в Севастополь на выпускной двоюродной сестры. Езжай и веселись. И не переживай за меня: в секции бокса мне очень хорошо поставили удары.

Когда девушка скрылась за кустами, Борис взглянул на Рагима, лицо которого исказила злая гримаса.

– Зачем ты опять пристаешь к ней? Я же тебя предупреждал.

Татарин смачно плюнул под ноги и зашипел.

– Чего ты приперся?

Борис сжал кулаки:

– Что тебе от нее нужно?

Татарин усмехнулся:

– А не догадываешься? Тебе ведь от нее нужно то же самое. Только она будет моей. Я всегда добиваюсь того, чего хочу. И лучше тебе уйти с дороги.

– Этого тебе не добиться, – твердо сказал Борис. – Я всегда буду рядом с Розой.

– А вот это мы посмотрим. – В руках Рагима неизвестно откуда появился короткий нож. Сисказившимся лицом парень пошел на Бориса и замахнулся, но тому ловким движением удалось выбить нож, который, сверкая в лучах солнца, упал на землю.

В тот же миг за ним отправился и Рагим. Борис склонился над лежащим хулиганом и назидательно проговорил:

– Никогда не обещай того, что не в силах выполнить. Это мой тебе совет. Еще раз увижу тебя возле Розы – пеняй на себя.

Он вышел из кустов, оставив татарина скрежетать зубами и надеясь увидеть Розу, но ее нигде не было. Парень решительно зашагал по дорожке, не услышав угрожающего шепота Рагима:

– Я тебе припомню. Я все равно уничтожу тебя. А Роза будет моей. Весь мир будет моим, когда я отыщу эту Золотую колыбель.

Он сплюнул на траву и пошел домой.

Его взволнованная мать Алима, увидев кровь на лице сына, запричитала:

– Опять подрался? Да когда же это закончится? Скоро жениться будешь, а ведешь себя как ребенок. Зариф, ты бы поговорил с ним.

Татарин поднялся с дивана и улыбнулся:

– Не причитай, Алима. Из него получится настоящий мужчина, верно, сынок?

Рагим скрипнул зубами:

– Отец, мне нужно с тобой поговорить.

– Я слушаю тебя.

Рагим усадил его на диван и сверкнул злыми черными глазами.

– Помнишь, ты рассказывал об экспедиции, искавшей Золотую колыбель?

– Ну, помню, – Зариф пристально посмотрел на сына. – Но почему ты вдруг о ней вспомнил?

Парень сжал его сухую руку:

– Я хочу ее найти.

Несколько секунд пожилой татарин хлопал ресницами, а потом расхохотался:

– Сынок, это все красивые легенды. Ученые ничего не нашли и не вернулись в наши края.

Рагим продолжал сжимать его руку:

– Возможно, они не там искали. Или у них не хватило времени и средств. У меня достаточно времени, отец. И мне нужна эта колыбель.

– Но, сынок...

– Мы пройдем с тобой тем же маршрутом, – бросил парень. – И, я уверен, мы найдем ее. Разве ты, бедный татарин, не хочешь повелевать людьми? Разве не хочешь власти Чингисхана?

Зариф тяжело вздохнул:

– Меня все устраивает в моей жизни, сынок. Власть накладывает на человека определенные обязательства, поверь мне. Трон хана меня не интересует.

– Но он интересует меня! – взорвался Рагим и вскочил, опрокинув табуретку. – Отец, не заставляй меня вести тебя в горы силой.

Зариф грустно посмотрел на единственного сына:

– Хорошо, мы поднимаемся в горы. Я сделаю так, как ты хочешь.

Глава 8

Чуфут-Кале, 1941

Зарифу удалось уговорить знакомого татарина отвезти их к подножию Чуфут-Кале. А потом они с сыном молча, как два чужих человека, поднимались по тропинке в гору. Пожилой татарин надеялся, что сын откажется от своей затеи, но Рагим уверенно поднимался вверх, не глядя на отца. Зариф первым нарушил молчание:

– Мы только потеряем время, сынок. Многие ученые пытались здесь что-то найти, но это никому не удалось.

У Южных ворот Рагим остановился и смахнул пот со лба. Солнце уже начинало припекать.

– Ты устал, сынок? – ласково поинтересовался Зариф, но в словах отца парню послышалась насмешка. – Сейчас мы войдем в город. Здесь очень много пещер, и мы осматривали почти каждую. Честно говоря, я не понимаю, почему они искали здесь. По легенде, она спрятана на горе Басман.

Рагим бросил на него злой взгляд:

– Ты сказал им об этом?

– Да, но они пропустили мои слова мимо ушей.

Зарифу показалось, что сын колеблется, и он продолжал:

– Легенда говорит о том, что Золотую колыбель дано найти не всем. Может быть, вообще никому. Пойдем домой. Оставь эту пустую затею.

Рагим покачал головой:

– Нет.

Пожилой татарин вздохнул, и они направились к пещерам. Зариф смирился с мыслью, что в пещерном городе им придется провести весь день. До темноты они лазили по пещерам, заглядывали под каждый камень и ничего не нашли. Когда Рагим устало опустился на камень, отец засуетился, как беспокойная наседка:

– Устал, сынок? Пойдем домой. У нас во рту не было и маковой росинки.

Юноша поднял с земли камень и запустил его в канаву.

– Не думай, отец, что я откажусь от этой мысли. Я еще вернусь сюда. Вернусь с теми, кто сможет мне помочь. Вот увидишь, я стану владеть миром.

Зариф развел руками:

– Что ж, иди к своей мечте. Надеюсь, ты об этом не пожалеешь.

Глава 9

Межгорск, наши дни

Олег Полозов, учитель русского языка и литературы, высокий смуглый молодой человек с иссиня-черными волнистыми волосами, тонким носом с едва заметной, несколько его не портившей горбинкой, огромными темно-кариими глазами и ямочкой на подбородке, стоял в школьном коридоре, как всегда, окруженный толпой десятиклассников.

– Олег Георгиевич, – вкрадчиво говорила стройная брюнетка с пухлыми губками, котрым позавидовала бы любая модница, – куда мы отправимся на выходные?

– Марина, ну дай мне отдохнуть! – взмолился молодой учитель. – Каждую неделю на природу выбираемся.

– А вам жалко, Олег Георгиевич? – встрял тощий и длинный как жердь парень с всклокоченными соломенными волосами. – Ничего, потерпите нас еще годик. А потом мы разбежимся кто куда – и будете отдыхать по воскресеньям.

Олег покраснел. Он обожал учеников своего класса.

– Ну ладно, ребята, что-нибудь придумаем. А тебе, Рахманов, – он шутливо замахнулся, – я сейчас врежу за твои слова.

Рахманов улыбнулся во всю ширь.

– Отлично, Олег Георгиевич. Врежьте. Будет о чем рассказать моим деткам.

– Если у такого, как ты, они когда-нибудь будут, – ввернула полненькая белолицая Таня Зимина.

Все рассмеялись. Олег сдвинул брови:

– Никогда не унижайте друг друга, ребята. Мы одна команда, разве вы это не помните?

Полозов пытался быть строгим со своими учениками, но это не всегда получалось.

– Ребята, идите на уроки. У вас сейчас алгебра.

Маленький юркий паренек скорчил забавную мину:

– Опять эта Гипотенуза! Надоела она вместе со своими косинусами и синусами! Ну, хуже горькой редьки надоела!

Олег строго посмотрел на него:

– Нехорошо так говорить об учителе. Тем более Тамара Петровна... – он не успел договорить.

– Гипотенуза, Гипотенуза! – крикнул паренек и помчался по коридору. За ним двинулись остальные.

Молодой человек с любовью смотрел им вслед. Надо же, каких-то пять лет назад они были смешными пятиклашками. Когда его назначили классным руководителем, первый год Олег только и делал, что утирал им слезы и сопли. Он стал им даже не учителем, а старшим братом, готовым всегда прийти на помощь, дать хороший совет. И они это ценили, даря ему такую же любовь. Благодаря своему классу он полюбил школу, а ведь сначала не представлял себя учителем, виня бабушку в том, что она помогла ему поступить в университет на филологический. Да, Олег представлял себя кем угодно, но не педагогом, не преподавателем русского. И именно бабуля настояла, чтобы внук пошел на филологический, где работала ее старая знакомая.

– Понимаешь, – объясняла ему бабушка, – у нас с тобой никого нет. Родители твои погибли, когда ты был совсем крохотным. Если ты останешься без специальности, нам придется туго. Школа всегда даст тебе кусок хлеба, поверь. Знаешь, как я мечтала стать учительницей? Мой покойный отец, твой прадед, клялся всеми клятвами: «Роза, костями лягу, но тебя выучу». Не пришлось ему. Погиб где-то на Украине. А потом, когда закончилась война, я

встретила твоего деда. Семья, ребенок... Хозяйство надо было восстанавливать... Тут уже не до высшего образования. Пришлось идти в техникум, учиться на бухгалтера. Колхозу требовались люди моей специальности. А о школе я долго мечтала... Хоть ты воплоти мою мечту.

Он сопротивлялся, но недолго, и наконец внял ее просьбам. Было время, когда молодой человек ругал про себя настойчивую старушку, навязавшую ему профессию, к которой он совсем не чувствовал тяги, но оно давно прошло. Учиться на филологическом оказалось довольно интересно, а профессия учителя пришлась ему по вкусу, он полюбил ее и уже не представлял себя вне школы.

Да, бабушка – все же мудрая женщина. Ему с ней повезло. Сколько она сделала для него, когда родители погибли в авиакатастрофе! Его глаза увлажнились, когда он подумал об этом. Тогда говорили: самолеты не падают. Но этот упал, унеся жизни ста человек. В том числе матери и отца, которых Олег плохо помнил.

Внезапно парень вздрогнул от резкого звонка мобильного. Телефон лежал в кармане. Молодой человек достал его. На дисплее высвечивался знакомый номер. «Андрей? С чего бы это в разгар рабочего дня?» – Олег нажал кнопку вызова. Голос школьного друга сразу заполнил уши:

– Олежка, здравствуй. Не знаю, как тебе сказать... У меня грустная новость. Не буду ходить вокруг да около. Бабушка Роза в больнице. Инфаркт у нее, обширный.

– Что? – внутри у Полозова что-то оборвалось. Он почувствовал, как холодный пот заливает глаза.

– Моя бабушка? – еле выдавил он. – Инфаркт?

– Это еще не все, – продолжал майор. – Олег, умоляю, выслушай и не перебивай. Вашу квартиру пытались ограбить. Вероятно, бандиты не ожидали встретить хозяйку. Наверное, они сильно ее напугали, и от перенесенного стресса случился инфаркт. Так бывает.

Олег засуетился:

– Андрей, в какой она больнице?

– В первой, но ты не торопись. Я должен тебя увидеть. Видишь ли, есть кое-что еще...

– Андрей, я бегу домой, – Полозов нажал отбой, спрятал телефон и бросился вон из школы. К счастью, уроков у него больше не было.

Нужная маршрутка пришла через пять минут, и парень влез в душный полупустой салон. Ехать пришлось столько же, сколько обычно, может, чуть больше, но эти минуты показались ему вечностью. Страшная мысль юлой вертелась у него в голове. О чем говорил школьный приятель? Ограбление квартиры? Инфаркт? Неужели бабушка умирает? Нет, она не может оставить его совсем одного!

Когда машина остановилась на нужной остановке, парень опрометью бросился домой, чуть не сбив выходящую из его квартиры Дарью Федоровну, с сочувствием посмотревшую на него:

– Крепись, Олежек. Я думаю, все будет хорошо.

– Спасибо, – механически ответил учитель и вбежал в комнату.

Школьный приятель, почти не изменившийся со времени их последней встречи – как-никак лет пять прошло – высокий, светловолосый, с румянцем на лице, сидел на диване и что-то писал на листке бумаги. Двое дюжих мужчин, вероятно, его коллеги, примостились на стульях за столом. В родной квартире было все перевернуто вверх дном, и Полозов продолжал окутаться в страшную реальность. Ограбление... Инфаркт... Бабуля в больнице.

Заметив молодого человека, сидевший на диване Колосов встал и подошел к нему:

– Привет, Олежек. Вот и свиделись. Только встреча нерадостная.

Учитель кивнул и обнял его:

– Нерадостная, Андрюша.

– Мы уже ввели тебя в курс дела, – продолжал приятель. – Да ты и сам видишь, что в вашей квартире побывали грабители. Пройди, пожалуйста, по комнатам и посмотри, что у вас пропало.

Полозов как автомат выполнял его просьбы, даже не расспросив друга о жене и дочери. Все его мысли были только о бабушке, которая после гибели родителей в авиакатастрофе стала для него самым близким человеком.

– Вроде ничего. Все в наличии.

Как она? Жива ли?

– Уверен? – Майор сверлил его стальными глазами. – Посмотри, посмотри, не торопись.

Олег еще раз перебрал валявшиеся на полу вещи:

– Нет.

– А в другой комнате?

– Ничего, – ответил учитель. – Там вообще нечего взять. Ты и сам знаешь.

– И все-таки, – напутствовал его Колосов.

Молодой человек послушно прошел в другую комнату и поднял толстую книгу – два тома «Войны и мира».

– Мы хранили здесь так называемую записку, – он открыл том и указал на целлофановый мешочек с деньгами, прикрепленный к странице. – Вся сумма на месте. А здесь, – его руки нащупали жестяную коробку из-под леденцов на секретере, – бабулины драгоценности. Я посмотрел. Все на месте.

Майор поднял белесые брови:

– Ты знал о тайнике в швейной машинке?

Полозов хлопнул себя полбу:

– Да-да, конечно, как же я мог забыть! – Он снова бросился в маленькую комнату. – Нет, деньги на месте, хотя дверца открыта, – молодой человек принялся лихорадочно пересчитывать купюры. – Воры не взяли ни рубля. Здесь ровно двести тысяч. Именно такую сумму бабушка скопила... – Олег нервно глотнул. – Скопила...

– На похороны, – подсказал Бороховский. Полозов, весь красный от напряжения, кивнул.

– И что же у нас получается? – потирая руки, поинтересовался Андрей. В нем заговорил следователь, который во что бы то ни стало должен был напасть на след преступников.

Учитель не понял вопрос:

– Что получается?

Колосов повысил тон:

– Если ничего не пропало, получается, что никакого ограбления не было. Так ведь?

Олег растерялся:

– Я не знаю. Тебе виднее.

– Ты-то со мной согласен? – поинтересовался Андрей как-то виновато. Он понимал состояние друга, но хотел раскрыть дело по горячим следам.

– Получается, так оно и есть, – выдавил учитель.

Колосов наклонил голову:

– Тогда идем дальше. Ты прости, Олежка, что я с тобой вроде как официально. Работа у меня такая. Чем скорее я пойму, что к чему, тем скорее поймем преступников.

Олег развел руками:

– Да брось, Андрей. Я все понимаю.

Колосов наморщил лоб:

– Итак, в квартиру проникают какие-то люди, переворачивают все вверх дном, однако не берут ни драгоценности, ни деньги, но пытаются что-то выудить у хозяйки. На какие мысли это наводит?

Полозов не ответил. Для него это казалось совершенно неважным. Какая разница, в конце концов, на какие мысли это наводит? И вообще, если говорить о мыслях, они были вовсе не о странном ограблении. Или не ограблении – какое это имеет значение, когда бабуля в больнице, а он до сих пор разговаривает с полицейским, пусть и со своим школьным приятелем, хотя давно должен быть у нее? Надо идти к ней, не идти, а бежать, а не вести пустые беседы. А все эти тайны пусть выясняет полиция. Это их работа. Андрей хороший следователь, он слышал о нем много отзывов. Олег поднялся со стула:

– И ты меня прости, Андрей. Я ничем не могу помочь, клянусь. И вообще, мне пора в больницу.

– Сядь, – властно произнес майор, и его тон подействовал на учителя: он послушно опустился на стул.

– Я выскажу свои соображения, – начал Андрей. – Двое воришек влезли к вам в квартиру, но не взяли ценности. Этому существует только одно объяснение: они были осведомлены, что здесь хранится что-то более ценное, возможно, даже бесценное. Логично, правда?

Олег пожал плечами:

– Вроде логично. Только я не понимаю, о какой бесценной вещи идет речь. Что хотели найти в нашей квартире? Ты знаешь нашу семью много лет, и тебе было известно, что мы всегда жили небогато. Правда, у бабули довольно приличная пенсия, да и я получаю не гроши, но примерный наш доход должен быть тебе известен. Согласись, мы не миллионеры. И хочу подчеркнуть – не подпольные. Если бы бабуля хранила какую-нибудь вещь, которой не было цены, уж я бы знал об этом и обязательно сказал бы тебе.

А так...

Полозов отвернулся к окну и стал смотреть на голубое небо, по которому плыли белые ватные облака.

– Я вообще ничего не понимаю, и мне нечего добавить.

Майор причмокнул языком и достал белый лист бумаги и ручку.

– Ладно, Олег. Не стану тебя мучить. Сам я тоже навещу Розу Михайловну, только чуть позже. А ты иди. – Он отвернулся, чтобы друг не заметил предательской слезинки в уголке глаза. – Я тебе позвоню.

Олег взглянул на старые часы с кукушкой. По словам бабушки, их ей подарили на свадьбу. Кукушка давно не выглядывала из окошечка, испортился какой-то механизм, но ни у него, ни у бабули до него не доходили руки. Стрелки исправно показывали время – что еще нужно? А сейчас эти старые стрелки уведомяли, что с момента ухода Олега из школы прошел почти час. Почти час, а он еще дома!

Майор протянул ему листок.

– Прочитай. Если с твоих слов записано верно, поставь свою подпись и можешь быть свободен. Я пообещал, что позвоню тебе, а завтра ты выберешь свободную минутку и заскочишь в отдел, – он бросил на стол визитку. – Это тебе на всякий пожарный. Я у тебя на работе был, а ты у меня – ни разу.

Учитель вскочил.

– Я обязательно приду, – с чувством пообещал он и с силой сжал запястье полицейского. – Андрюха, во имя нашей дружбы... Пообещай и ты мне кое-что. Эти негодяи – не представляю, что они хотели здесь найти – довели до инфаркта единственного близкого мне человека. Да ты и сам об этом знаешь. Не мне тебе рассказывать, что она вырастила меня и дала образование. Найди их, прошу тебя!

Андрею стало неловко. Он покраснел и сжал друга в объятиях:

– В этом можешь не сомневаться. Я позвоню, – майор подтолкнул Олега к двери. – Иди к Розе Михайловне. Мой телефон ты тоже помнишь. Звони. Вдруг тебе удастся что-то узнать у нее. Я пока нахожусь в полной растерянности, что могли искать в твоей квартире.

Олег дернулся: в кармане тревожно запиликал мобильный. О, как он боялся теперь этих звонков! Парень медлил с ответом, а полицейские с удивлением смотрели на него, смутно догадываясь о мыслях, роившихся в его голове. Наконец учитель преодолел страх и нажал кнопку вызова:

– Я слушаю.

– С вами говорит лечащий врач вашей бабушки, – раздался незнакомый голос. – Меня зовут Павел Николаевич Бурмин.

Олег покрылся холодным потом:

– Что с ней?

– Жива, – успокоил его доктор, – пришла в себя и хочет вас видеть. Вы должны поторопиться.

Глава 10

Севастополь, июнь, 1941

Роза не жалела, что поехала в Севастополь на выпускной сестры. Она веселилась вместе со всеми, ее приглашали взрослые ребята, и это ей льстило. Девушке очень хотелось поехать с ними в горы после выпускного, но отец одного из юношей, командир части, сказал, что поездка не состоится, и выпускники разошлись по домам, так и не выяснив причину. По словам взрослых, в городе шли учения. Может быть, поэтому ничего не получилось с поездкой?

В ночь на 22 июня Соню и Розу разбудил грохот. Проснувшись, они выбежали на балкон, где, обнявшись, уже стояли Мириам и Яков. Невдалеке горел дом. Как завороженные, девушки следили за трассирующими пулями, изрешетившими небо, как маленькие звездочки. Щупальца прожекторов бороздили черноту ночи.

– Это учения, да? – зевая, спросила Соня. – Странно, что корабли уже вернулись.

Бабушка с дедом не ответили. Настойчивые лучи прожекторов поймали гудевший самолет, высветив на его крыльях черную свастику.

– Это немцы, – прошептала бабушка, прижимая к себе внучек. – Это война, мои хорошие. Но вы не волнуйтесь. Наш город хорошо укреплен.

– Хорошо – не хорошо, а лучше Розе вернуться домой, – подал голос Яков. – Думаю, Михаил завтра примчится за дочкой. Соня, может, и ты поедешь с сестрой?

Верхняя губка девушки приподнялась, обнажив острые белые зубы.

– Еще чего! Я останусь тут. Бабуля, мы не пустим немцев, правда?

Мириам ничего не ответила.

Как и предполагал Яков, Михаил с женой действительно уговорили Николая приехать за Розой, и уже в десять часов утра они сидели в гостиной Бакиши. Его сестра Сара и шурин Исаак тоже примчались утром. Глядя на свекра, Хая поражалась его спокойствию. На смуглом горбоносом лице не дрожала ни одна жилка. Мириам суетилась, бегала из кухни в гостиную с подносом, расставляла чашки и предлагала разные варенья.

– Попробуйте зердалимачъюн (варенье из абрикосов), – говорила она. – А это мацъюн (варенье из белой черешни). Последняя баночка осталась.

Роза принесла остатки урчука – хвороста – и тихо села возле матери. Ее сестра Соня убежала к Николаю, надеясь, что отец парня расскажет последние новости. Михаил степенно налил заварки и плеснул кипятка.

– Думаю, вопрос обсуждению не подлежит, – начал он, обращаясь к отцу и матери. – Сейчас вы собираете вещи и едете с нами. В Севастополе оставаться опасно. Немцы могут подойти с моря или бомбить с воздуха, – мужчина сделал глоток и поморщился. – Слышали, какие разговоры ходят в городе? Даже ваши соседи в панике. Ночью была сброшена бомба на улицу Подгорную. Есть погибшие и раненые. Исаак, поедешь с нами? У нас с Хайей небольшой домик, но места хватит всем, – его голос звучал все увереннее и увереннее. – Забирайте детей – и поехали. Потом мы отправим их в тыл.

– Не говори глупости, – перебил его отец. – Никто никуда не поедет.

– Это почему? – удивился Михаил.

– Не надо бояться немцев, – произнес Яков своим скрипучим голосом. – Они никому ничего не сделают. Я знаю их по Первой мировой. Это добродушные и интеллигентные люди.

– Отец, это может быть опасно, – настаивал Михаил. – Мы все слышали о Гитлере и о той политике, которую он проводит.

– Я сказал, мы не двинемся с места, – буркнул Яков. – Впрочем, остальных я не держу. Верно говорит твой муж, Мириам?

– Правильно, Яков, – подтвердила бабушка. – Помнишь, как говорила твоя мать, когда мы уезжали в Палестину? Наш дом – здесь, в Севастополе.

Роза заметила, что папа собирался возразить, но не стал этого делать.

– Надеюсь, вы передумаете, – сказал он и посмотрел на сестру. – А ты что думаешь, Сара?

Женищина бросила взгляд на мужа. Исаак откашлялся и произнес:

– Под Бахчисараем у меня родня. Для начала я отвезу их туда. Если немцев не пустят в глубь Крыма, они там и останутся. А я попрошусь на фронт.

Михаил крикнул:

– Ты, Исаак, читаешь мои мысли. Я тоже пойду на фронт.

Роза заметила, что бабушка деликатно промолчала. Когда-то дед говорил, что ее отца не взяли бы на фронт из-за хромоты. Михаил, видимо, почувствовал в ее молчании недоверие и добавил:

– Думаешь, мать, нога помешает? А я хоть кем. Неужто не возьмут родину защищать?

– Да я ничего и не говорю, – растерялась Мириам.

– Так-то лучше, – отозвался отец и тяжело поднялся со стула. – Собирайтесь, мои дорогие. – Он взглянул на отца: – Папа, это твое окончательное решение?

Яков Захарович кивнул:

– Окончательнее не бывает. И ты не трогался бы с места, сынок.

Михаил заковылял к двери:

– Я подумаю.

– Подумай. – Он вышел в коридор и обернулся на пороге: – Мама, если вы передумаете, дайте мне знать.

Мириам подошла к нему и обняла:

– Обязательно, сынок. Обязательно. Ты не волнуйся за нас. Все будет хорошо.

Отец снова крикнул, махнул рукой и вышел в подъезд. Следом за ним семеня Хая. Роза медленно шла за матерью, но вдруг какое-то шестое чувство заставило ее вернуться в квартиру и броситься на шею бабушке:

– Бабуля, дедуля, я умоляю, поехали с нами! Поехали, мои хорошие!

Мудрая Мириам погладила внучку по волнистым черным волосам.

– Да что ты, девочка моя? – удивленно проговорила она. – Что с тобой?

Роза хваталась за складки бабушкиного цветастого халата.

– Поехали! Прошу вас! Дедуля! – Она повернулась к Якову Захаровичу: – Миленький! Давайте поедem с нами.

Она заметила, как в уголке глаза старика показалась слеза, но не успела выскочить на морщинистую щеку. Он торопливо смахнул ее скрюченным пальцем и пробурчал:

– Устроили тут... Похороны... Иди, Роза, к родителям. Иди, я говорю.

Но Роза словно приросла к бабушкиной груди.

– Нет, нет, я не пойду без вас.

Бабушка сжала ее ладони.

– Внученька, иди и ни о чем не думай. Слушай дедушку, он знает, что говорит.

– Роза! – послышался внизу голос Михаила, и бабушка подтолкнула ее к двери:

– Шагай, шагай.

Роза оторвалась от Мириам и, как отец, оглянулась на пороге. То тоскливое предчувствие, что они видятся в последний раз, не покидало девушку.

– Роза! – звал ее отец, и она, плача, сбегала со ступенек. Михаил, потный, разгоряченный, ругался с Николаем.

– Черт ее знает, почему она не идет!

Увидев дочь, он с неудовольствием взглянул на нее.

– Что это ты за цирк устроила?

Роза вытирала слезы.

– Папочка, милый, уговори их поехать с нами!

– Садись, – Михаил открыл дверь кабины, где уже поместилась бледная Хая. – Садись и не думай о плохом. У нас сильная армия. Не пройдет и дня – она погонит немцев обратно.

Глава 11

Межгорск, наши дни

Олег смутно помнил, как прощался с полицейскими, как бежал к остановке маршрутного такси, как ехал в душном, пропахшем потом салоне. Только объявление пожилого водителя: «Больница имени Пирогова», – привело его в себя.

Выскочив из салона, он торопливо пошел к семиэтажному новому корпусу, где, как ему было известно, располагались хирургическое и кардиологическое отделения. Какой-то мужчина средних лет в белом халате, с потным широким лицом, стоял на ступеньках, и Полозов сразу понял: это врач, который ему звонил.

– Я Полозов, – отрекомендовался он.

Мужчина сразу засуетился, отводя глаза:

– Да, да, а я Павел Николаевич. Пройдемте скорее. Она очень плоха.

Они зашагали по больничным коридорам, пахнущим хлоркой. Навстречу шли какие-то люди – врачи и больные, но Полозов никого не видел.

– Скажите, у нее есть шансы на выздоровление?

Доктор пожал широкими плечами:

– Не хочу вас обнадеживать, молодой человек. Сами понимаете, возраст.

Внезапно он остановился и приоткрыл дверь палаты:

– Вот мы и пришли, – мужчина подталкивал Олега к кровати, на которой лежала бабушка, но парень медлил. Увидеть ее в таком беспомощном состоянии... Нет, это выше его сил!

– Подойдите, не бойтесь, – убеждал его доктор. – Несколько минут назад она справлялась о вас.

Наконец Олег заставил себя подойти к кровати и охнул. Бабушка, его любимая бабушка, лежала бледная, как простыня, укрывавшая ее грузное тело. Тонкий нос с небольшой горбинкой заострился. В полном смуглом лице не было ни кровинки. Седые вьющиеся волосы в беспорядке разметались по подушке.

Он дотронулся до безжизненной руки в старческих пигментных пятнах:

– Бабуля... Бедная моя бабуля...

Синие губы больной дрогнули. Врач наклонился над ней.

– Роза Михайловна, вы меня слышите?

Женщина открыла большие черные глаза, окаймленные синевой, и оглядела пришедших. Увидев Олега, она словно засветилась изнутри.

– Олечек, как хорошо, что ты здесь, любимый мой мальчик, – пожилая женщина попыталась приподняться. – Если бы я не успела поговорить с тобой, я бы себе это не простила, – Роза Михайловна закашлялась, и врач сразу засуетился возле нее.

– На сегодня достаточно. Поверьте...

Старушка строго посмотрела на него.

– Павел Николаевич, вы бы не могли оставить нас наедине? – попросила больная. – Пожалуйста. О том, чтобы мы закончили сейчас, не может быть и речи. Я еще ничего не сказала моему внуку.

– Но... – слабо пытался протестовать доктор, и она с усилием подняла руку, как бы умоляя его замолчать:

– Я прошу вас. Мне нужно поговорить с Олегом. Вы сами знаете, что в моем возрасте может случиться всякое в любую минуту, – каждое слово давалось ей с трудом.

Доктор сдался:

– Ну, хорошо, только недолго. А вы, молодой человек, – Павел Николаевич повернулся к Полозову, – дайте мне знать, если ей станет хуже.

Учитель взял ее сухую ладонь в свои:

– Обещаю.

Павел Николаевич вышел из палаты, всем своим видом выражая недовольство. Бабушка попыталась приподняться, но тут же бессильно повалилась на подушки.

– Лежи, лежи, тебе нельзя делать резкие движения, – остановил ее Олег.

– Подожди, – черные глаза пристально смотрели на внука. – Я должна рассказать тебе, – казалось, желание что-то поведать близкому человеку придавало силы. – Я была не права, что так долго молчала.

Он не понимал, о чем она говорит.

– Ты про что, бабуля?

Лицо старушки покраснело от напряжения.

– Нашу квартиру пытались ограбить не случайно, – снова зашептала она. – Ты владеешь ценными вещами, но сам об этом не догадываешься! Стоит тебе только найти их и продать... Ты станешь миллионером, Олежек, если захочешь от них избавиться. Покупатель уже есть и ждет.

Учитель недоверчиво скривился:

– Миллионером? Я?

– Господи, да что я говорю... – Она зашевелила пальцами. – Ты, конечно, не станешь ничего продавать, потому что ты, как и я, любишь свою родину и желаешь ей процветания. Не принимай меня за старую дуру, выжившую из ума, – продолжала старушка. – Вещи есть, только их нужно отыскать. Видишь ли, я не могла сказать тебе об этом раньше, потому что считала, что ты недостаточно взрослый и неправильно распорядишься ими, если найдешь. А еще я хотела восстановить справедливость и поэтому боялась, что ты поступишь опрометчиво. Я думала: пусть все останется там, где оно и находится. Всплыв, это может принести большие проблемы, – старушка замолчала, тяжело дыша. – Мне давно угрожали, и я не желаю, чтобы ты жил в таком же страхе. Когда найдешь эти вещи, распорядись ими по совести. Извини, что не доверяла тебе и мало рассказывала о нашей семье.

Олег прижал ее руку к своей груди:

– Не говори так. Ты поправишься. И преступников мы найдем. Знаешь, кто занимается этим делом? Андрюша Колосов.

Она рассмеялась:

– Андрюшка? Как он поживает? Такой же белесый и вихрастый? Как бы я хотела его увидеть. Но, видно, уже не судьба. Поправлюсь... Разве врач говорил тебе об этом? Впрочем, если даже и говорил – не верь ему. Человек всегда чувствует приближение смерти. Может быть, счет моей жизни уже пошел на минуты. Олежек, слушай меня, – женщина дотронулась до него и сбивчиво заговорила: – Тебе нужно поехать в Крым. Я уничтожила немецкую карту, но перенесла ее содержание на надгробье, потому что тот страшный человек продолжает... – Она хотела еще что-то добавить, но вдруг схватилась за грудь и начала задыхаться: – Караимское кладбище. Иосафат... – Старушка вдруг обмякла и затихла.

– Бабуля, бабуля! – закричал Олег, обнимая грузное тело. – Бабуля, скажи хоть слово!

Но пожилая женщина молчала. В ее лице не было ни кровинки.

– Доктор! – Олег выскочил в коридор, и врач появился перед ним, как по мановению волшебной палочки. – Бабушке плохо! Помогите!

– Что с ней? – Павел Николаевич влетел в палату и склонился над больной. – Ваш разговор отнял у нее последние силы. Она без сознания. Вам придется покинуть палату. Мы переводим ее в реанимацию.

Олег побледнел:

– Она придет в себя?

– Не уверен, – честно сказал врач. – Наоборот, буду удивлен. Впрочем, – решил он немного ободрить парня, – пожилые люди довольно крепки. Будем надеяться на лучшее. А теперь попрошу вас покинуть палату.

Олег послушно вышел в коридор, но как только показалась каталка с бабушкой, он направился следом.

Реанимация находилась в другом конце коридора. Олег как прикованный шел за каталкой, тупо глядя на белую простыню и сливавшееся с ней лицо, а мысли в голове от горестных о бабушке перескакивали к другим. Бабуля сказала про какую-то вещь, которая дорого стоит. Что это за вещь? И есть ли она? Правда это или просто видения умирающей? В своих мыслях молодой человек не заметил, как оказался перед дверьми реанимации, и Павел Николаевич как заправский охранник преградил ему дорогу:

– Дальше вам нельзя. – Он дружески похлопал учителя по плечу. – Мой вам совет – идите домой. Если что-то... – Врач замялся и покраснел. – Мы вам сразу...

Олег покачал головой:

– Нет, нет, как я могу уйти?

Доктор пожал плечами:

– Ну, как хотите. Тогда посидите пока здесь. Но я уверен, что никаких изменений в состоянии не будет, по крайней мере, несколько часов.

– Да. Да, я понимаю, – рассеянно кивнул Олег. – И все же я останусь.

Он сел на стул и погрузился в раздумья, не заметив, что Павел Николаевич внимательно и с сочувствием наблюдал за ним несколько секунд. Потом врач распорядился подключить больную к аппаратам, и юркая пожилая медсестра засуетилась возле Розы Михайловны.

Глава 12

Крым, село Прохладное, 1941

Но немцев не погнали. Наоборот, они одерживали победу за победой и продвигались в глубь страны. В конце августа Борис поехал в город, в военкомат, и вернулся злой и расстроенный.

– Противная розга этот майор, – пожаловался он Розе. – Не взял. Видите ли, мне еще нет восемнадцати. Разве в пятнадцать я не способен держать винтовку?

Девушка поправила его разметающиеся черные волосы.

– Значит, так надо, Боря, – примирительно сказала она. – Значит, так положено.

Впервые в жизни Роза видела его таким – нервным и раздраженным.

– Что положено, Роза? – спросил он. – Сейчас нам положено защищать родину. И я знаю, что в такие минуты на счету каждый боец. Чем я не подошел им, Роза?

Она много отдала бы, чтобы успокоить любимого.

– Боря, может, это к лучшему, что тебя не взяли?

Парень сдвинул черные брови:

– Почему, Роза? Что ты такое говоришь?

– В противном случае ты был бы на фронте, а я... – Она заломила руки. – Я не смогу без тебя, Боря.

Он съжал ее запястье.

– Роза, ты в такой момент думаешь о себе. Так нельзя.

Девушка вздохнула и хотела что-то сказать, но голос Хаи вклинился в их разговор.

– Роза, где ты? Роза!

– Мама зовет. – Она встала с примятой травы и вдруг, неожиданно для себя, обняла любимого и зашептала ему на ухо: – Боренька, прошу тебя... Не покидай меня, Боренька.

Парень недовольно тряхнул головой.

– Я все равно не смогу сидеть сложа руки, – проговорил он. – Допустить фашистов в свой поселок? В свой родной дом? Допустить, чтобы они рвали яблоки, за которыми так любовно ухаживал мой отец? Чтобы глумились над матерью и сестрами или над тобой? Нет. Роза, это выше моих сил. Ходят слухи, что в горах появились партизанские отряды. Я уйду в партизаны, Роза.

– Если немцы подойдут к Симферополю, мы уйдем вместе, – произнесла девушка с несвойственной ей решимостью. – Я буду с тобой до конца. Мы или погибнем вместе, или...

– Роза! – снова донеслось до них. Борис прижал ее к себе.

– Иди, моя радость. Встретимся завтра.

Роза побежала домой, сверкая смуглыми икрами. Борис тоскливо смотрел ей вслед.

Хая встретила дочку на пороге.

– Смотри, кто к нам приехал, девочка моя, – она указала на кресло, и Роза оторопела. В нем сидела ее троюродная тетя Нонна из Карасубазара, которую девушка очень любила и называла Нонночкой.

– Нонночка, как хорошо, что ты приехала! – Она кинулась к ней. Нонна, вытирая слезы, обнимала девушку и гладила по спине.

– Ты моя хорошая, – женищина немного отстранила племянницу и оглядела с ног до головы, любуясь ею. – Какая ты стала красавица!

– А ты не изменилась, – Роза погладила ее руку. – Все такая же молодая.

Говоря комплимент, девушка ничуть не лукавила. Несмотря на то что тете Нонне недавно стукнуло пятьдесят, ей никак нельзя было дать больше тридцати восьми. Высокая, статная, с азиатскими агатовыми глазами, смуглая, чернобровая и черноволосая, с орлиным носом и прекрасной кожей, не увядающей с годами, Нонна обладала легким веселым нравом и любила пошутить и посмеяться. Казалось, жизнь проходит стороной, не задевая ее, однако Роза знала, сколько пришлось пережить этой женщине.

Нонна родилась и выросла в довольно обеспеченной семье. Ее отец, Аркадий Мангале, троюродный брат деда Якова, был известным портным в Карасубазаре. Жена Бася помогла ему, и довольно успешно. Кто только не обращался к ним за модным нарядом! Сама Нонна родилась красавицей и становилась все краше и краше с каждым годом. Когда она, высокая, стройная, как тростинка, прекрасно одетая, шла по узким улицам города, позвякивая монистом, люди останавливались и глядели ей вслед, приговаривая:

– Хорошего жениха тебе, красавица!

Молодые люди, жители Карасубазара, все до одного сохли по девушке. Аркадий и Бася понимали: такая дочь не засидится в девках, и не ошиблись. Как только красавице исполнилось шестнадцать лет, к ней посватался парень из семьи, жившей по соседству, татарин. Аркадий был не в восторге.

– Пойдешь за него, дочка, сделаешь большую ошибку, – вещал он. – Нас, крымчаков, мало осталось на этой земле. Негоже смешивать нашу кровь с чужой.

Однако Нонна мало прислушивалась к советам отца. Симпатичный татарин заставлял ее сердечко биться сильнее. Да и жить под родительской опекой ей порядком надоело. То нельзя, это нельзя, туда не ходи, на парней не заглядывайся... Нонна подумала: создаст свою семью – жить станет гораздо проще. И ответила татарину согласием, предупредив отца:

– Лучшие отдайте меня ему по-хорошему. Если не отдадите – убегу.

Отец почесал редяющий затылок, поговорил с женой, Бася поплакала, но дочку замуж они выдали.

– Не проживет долго с Ибрагимом наша Нонночка, – вздыхала Бася по вечерам и оказалась права. Нонна не задержалась в доме татарина и года: вернулась домой после восьми месяцев супружеской жизни.

– Чудные они какие-то, эти татары, – говорила она матери и отцу. – Все у них не так, как у нас: едят не так, молятся не так. Я только смеялась над ними, а они обижались. Нет, не смогу я жить с Ибрагимом. Все мне там чужое, кроме языка: он наш напоминает. Если придут его родители и будут требовать меня назад – не отдавайте.

Аркадий хмурил густые седые брови.

– Как же так – не отдавайте? – удивлялся он. – Брак, дорогая моя, это не игрушка. Помнится, ты молила меня разрешить тебе выйти замуж за Ибрагима. Даже бежать из дома собиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.